

Поединщик

Автор:

Роман Савенков

Поединщик

Роман Владимирович Савенков

Боевая фантастика (АСТ)

Над Риорданом подтрунивают сверстники, а девушки прячут лица при его приближении. Преодолевая невзгоды, он сумел воспитать в себе железную волю, которая со временем превратилась в уникальное боевое мышление, что особенно ценно в мире, где в войнах не гибнут простолюдины, а от искусства поединка зависят судьбы целых королевств.

Роман Владимирович Савенков

Поединщик

© Роман Савенков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Высокая цена

С наступлением холодов сарганы, горные козлы и полорогие быки, бовиды, спускаются по склонам Тиверийского хребта, чтобы полакомиться нежной травкой, которая пышно разрастается в предгорьях. За стадами копытных следуют синие барсы, непревзойденные мастера засад. Поскольку их мех полностью сливается со стеблями млечников, деревенские охотники за птичьими яйцами на это время предпочитают переключаться на рыбную ловлю или собирательство грибов и ягод. Все, кроме самых ловких и отчаянных, потому что на деньги, вырученные за шкуру синего барса, любая семья может в достатке прожить целую зиму. Осенние шкуры ценятся намного дороже, шерсть на них гуще и отликает серебром, а для овергорской знати нет ничего желанней, чем палантин или накидка на сине-фиолетовом меху.

До зоны туманов оставалось совсем немного, и оттуда, из белесых клочьев уже долгое время доносилось блеяние козленка. Кусты млечников, что пышной порослью окружили несколько базальтовых валунов, зашуршали, и на узкий скальный уступ, припадая к земле, выполз синий барс. Ярко-голубые глаза хищника вглядывались в туманную взвесь, ноздри напряженно втягивали воздух. Пахло добычей, но в ее запах вплелись едва уловимые флюиды опасности. Человек! Мощные челюсти барса разжались, по клыкам скользнула алая плеть языка. Раздалось чуть слышное горловое рычание, но тут же замерло. Барсы иногда предупреждали человека громовым рыком, мол, уйди с дороги, я охочусь, а иначе – пеняй на себя. Но сегодня зверь чуял добычу, она была где-то рядом, и он боялся ее спугнуть. Стелясь по низким стеблям горного лишайника, хищник пополз вперед, время от времени замирая на месте. Уши его напряженно торчали двумя черными треугольниками, под темно-синей пятнистой шкурой перекачивались тугие комки мышц.

Испуганное блеяние звучало теперь совсем близко. Широкая сплюснутая морда зверя осторожно просунулась сквозь стебли млечников, и он увидел козленка. Тот лежал на траве, на следующем уступе, прямо под нависающей грудой камней. Ноги козленка были густо опутаны веревкой, которая мешала ему сдвинуться с места, хоть он изо всех сил пытался из нее высвободиться. Именно от веревки шел слабый запах человека – единственного и самого страшного врага барса. Хищник помедлил несколько мгновений, потом в один прыжок преодолел пространство до козленка, и его зубы сомкнулись на шее жертвы. Все было кончено быстро. Зверь легко приподнял тушку, чтобы уволочь ее наверх, в укромное место, подальше от тревожащих его обоняние запахов. Но от козленка шло несколько веревок, наверх, прямо в кучу камней. Барсу уже приходилось скрадывать домашний скот, поэтому он резко дернул головой, чтобы разорвать

пути. Из-под ближайшего камня вылетел короткий толстый колышек, и вся гряда немедленно рухнула вниз. Хищник попытался отпрыгнуть из-под обвала, но помешала туша в зубах и злосчастные веревки. Одна из глыб ударила его прямо по правой лапе чуть ниже локтевого сустава. Раздался хруст, который сменился сначала рычанием, а затем протяжным воем. Зверь все-таки отскочил в сторону, но приземлился на раненую лапу и свалился на бок. Вой затих. Барс попыталсялизать больное место, и с сотни шагов было отчетливо видно, как тяжело вздымаются и опадают его бока.

С сотни шагов, потому что именно на этом расстоянии скрывался охотник. Он сидел за массивным валуном с подветренной стороны, для надежности закутанный в козлиную шкуру. Расчет был на то, что камень проломит зверю голову или его зажмет несколькими валунами, но барс сумел отпрыгнуть, и теперь охотник медлил. А если раненый хищник уползет в заросли вверх по склону? Преследовать его будет смертельно опасно. А вдруг повреждения не слишком серьезны, и зверь бросится в атаку? Одним ударом лапы барс способен убить или покалечить человека, если тому повезет, как повезло отцу охотника, который уже два года лежал дома и передвигался с палочкой в пределах двора. С той поры пятнадцатилетнему Риордану пришлось взвалить на свои плечи заботу о хлебе насущном для всей семьи, которая состояла из матери, калеки-отца и младшего брата. Он бил из лука дичь, собирал яйца в птичьих гнездах, подкарауливал сарганов, а один раз сумел случайно завалить молоденького бычка-бовида. Впрочем, от бычка ему досталась лишь задняя нога и кусок грудинки – именно столько Риордан сумел уволочь за один раз, а когда повторно поднялся в горы, то туши на месте не оказалось. Только бычья голова, уже дочиста обклеванная стервятниками. Длинные витые рога бовида были обрублены для продажи чеканщику, который сделает из них кубки для вельмож. Риордан тогда разревелся, как ребенок, проклиная вора, слезы катились по грязным щекам, а пара стеклянных грифов безучастно наблюдала за его горем с ближайшего валуна.

Неудачи закаляют дух сильного и ломают волю слабого. За два года лазанья по скальным уступам сухожилия Риордана приобрели стальную крепость, пальцы превратились в железные крючья, но внешне он остался таким же подростком – невысоким, с непомерно длинными руками, которые выглядели еще нелепей из-за его природной щуплости. Лицо Риордана всегда было обветренным, кожа на ушах шелушилась по причине частых обморожений, а кисти рук стали красными, как у обваренной курицы. Он не пользовался популярностью у молоденьких девиц деревушки Вейнринг, где проживала его семья. Сверстники относились к нему с настороженным презрением, которое обычно проявлялось у Риордана за

спиной, потому что его красные лапы могли мгновенно сложиться в устрашающей крепости кулаки, и пару раз молодому охотнику приходилось демонстрировать задирам преимущества горного воздуха и длительных пеших прогулок.

К охоте на синего барса Риордан шел давно. Не раз и не два его сердце замирало от раскатистого рыка, который раздавался в горах и, казалось, звучал отовсюду. Риордан дал себе слово поквитаться со зверем за покалеченного отца и за свою трудную жизнь, а по причине серьезности характера это обещание превратилось для юного охотника в настоящий обет. Нужен был верный способ, основанный на хитрости, потому что вступать один на один в схватку со зверем, который втрое тяжелее тебя, было форменным безумием. На мысль о ловушке Риордана натолкнул случайный горный обвал, который едва не похоронил его в погоне за подранком сарганом. Оставалось только поймать в петлю козленка и найти подходящее место для засады. Наконец, в один из десятков его силков попался молоденький сарган. Охотник притащил козленка домой, с ним несколько дней играл его младший брат, а Риордану частенько приходилось смущенно опускать голову в ответ на немой вопрос матери. Отец отнесся к его затее равнодушно. Его вообще перестало интересовать что-либо, кроме бутылки с брагой и собственной перечеркнутой судьбы. Все, чем опытный охотник помог своему сыну перед опасным рейдом – это совет немедленно выкинуть блажь насчет барса из головы и больше работать с матерью в огороде, потому что скоро зима и без заготовок придется туго.

Чтобы барс не учуял подвох, Риордан делал все в рукавицах из козлиной шерсти, а сами веревки долго отмачивал в молоке.

И вот теперь вся затея повисла на волоске. Насколько сильно ранен зверь? Риордан снял со спины короткоплечий охотничий лук, положил на тетиву стрелу с тяжелым наконечником и шаг за шагом начал подкрадываться к хищнику. Когда под его сапогом зашуршали камешки, барс резко обернулся, вскочил на лапы, но тут же свалился обратно с остервенелым рычанием и не переставал рычать, наблюдая за приближением человека. В шагах десяти от зверя Риордан остановился.

– Это ты порвал моего отца? Ладно, я буду думать, что ты. По крайней мере, ты ответишь мне за всю свою породу.

В ответ на голос барс зарычал еще сильнее и сделал движение, словно хотел кинуться на человека. И через мгновение в его оскаленную пасть вонзилась охотничья стрела. Хищник заскулил и здоровой лапой попытался вытащить древко. Сердце Риордана не дрогнуло от приступа жалости. Охотнику, который терзается состраданием к добыче, лучше заняться садоводством. Риордан вытащил из колчана вторую стрелу. Целиться нужно было предельно аккуратно, чтобы не попортить дорогую шкуру.

Семь лет назад, когда Риордан был еще мальчишкой, а отец – его кумиром, уважаемым всеми человеком, мало обращавшим внимания на отпрыска, он подошел к нему и попросил помочь стать самым лучшим охотником. Отец тогда рассмеялся, подвел к большому валуну, что торчал, как межевой камень на границе соседского участка, и сказал:

– Кидай в него гальку с десяти шагов. Когда начнешь попадать девять раз из десяти, отойдешь еще настолько же. Справишься, а после снова явишься ко мне. И помни, что камень сейчас – это твое оружие. Научишься чувствовать камень, управлять его полетом, сможешь освоить лук, копье и даже меч.

Через два месяца Риордан пришел к отцу и сказал, что может попасть девять раз с тридцати шагов. Отец не поверил и хотел отругать сына за хвастовство, но тот был настойчив, поэтому поверить все же пришлось. Тогда отец привязал сыромятную веревку к молодому деревцу на опушке леса и приказал натягивать веревку одной рукой. Когда Риордан сумеет согнуть деревце, он может снова прийти и попросить следующее задание. Сначала у Риордана получалось только натирать кровавые мозоли, но теперь обломанный ствол того деревца стоит на опушке, словно сколотый зуб. Исполнив задание отца, он не пришел за следующим, потому что на тот момент отец уже перестал быть его кумиром.

Со второй попытки он попал барсу прямо в ярко-голубой глаз.

Процесс снятия шкуры занял у охотника немало времени. Встреча с хищником произошла на рассвете, а теперь солнце уже разгоняло облака высоко над пиками Тиверийского хребта. Риордан скатал трофей и аккуратно уложил его в объемистый заплечный мешок. Потом вырезал желчь, сердце, печень и рукоятку ножа выбил хищнику клыки – за них деревенский знахарь выложит кругленькую сумму, особенно за желчь, потому что она входит в состав многих лекарств и эликсиров, а клыки пойдут на изготовление амулетов. Задушенного барсом козленка Риордан тоже забрал с собой – зачем пропадать добру?

Когда он добрался до дома, день уже понемногу клонился к закату. Мать работала на грядках – пропалывала сорняки. Два года назад у них был просторный дом в центре деревни, но его пришлось продать, чтобы переехать на окраину, в эту хижину с большим огородом позади. Если бы они откладывали на черный день, не пришлось бы расставаться с домом, где всем хватало места, но отец любил жить широко. Ему часто сопутствовала удача на охоте, после чего он мог целый вечер угощать всех желающих в корчме. Зато, когда отца покалечил барс, желающих угостить его самого оказалось немного.

Хижина. Именно так мать называла их новое жилище. А отец никак не называл. Большую часть времени он проводил в постели с бутылем браги, настоящей на хмельных ягодах, или помогал матери с готовкой. Ягоды ему собирал Стогнар, младший брат Риордана. Из-за браги в хижине стоял спертый запах, хотя настаивалась она на крыльце, в объемистой бадье.

Грудь Риордана распирало от восторга и нетерпения – ему хотелось побыстрее рассказать родителям и брату о своем трофее. Он едва сдерживался, чтобы не побежать к матери со всех ног. Но настоящему охотнику не пристало ребячиться, поэтому Риордан солидным и размеренным шагом шел по тропинке между грядками. Увидев старшего сына, мать отбросила тляпку и, тяжело ступая, направилась к нему навстречу.

– Почему так поздно? Твой младший брат полдня таскал мне воду, но ее все равно не хватило, – потом взгляд матери остановился на тушке козленка, и ее уголки губ опустились. – Все-таки убил. Зачем ты его вообще забрал? Мы со временем могли бы подкопить денег и купить еще одного. На краю огорода можно соорудить загон, козлята бы подросли, и у нас каждый день было бы свежее молоко. Сам знаешь, что охота – ремесло ненадежное.

– Я не убивал козленка, – сказал Риордан. – Это сделал синий барс.

Весь его горделиво-торжественный настрой, с которым он вернулся домой, куда-то улетучился.

– Синий барс, – повторила мать. – Каждый раз, когда ты уходишь в горы, я молюсь, чтобы ты вернулся невредимым. Мало мне горя с твоим отцом...

Видя, что мать начала свою обычную тираду, Риордан поспешил ее перебить:

- Пойдем в дом, мама. Я хочу что-то показать. Где Стогнар?

- Убежал к дому бурмистра. Из Овергора сегодня приехали военные, - мать хмуρο взглянула на Риордана.

Стогнар грезил мечтами о солдатской карьере, и, если у Риордана находилось свободное время, они часто отрабатывали разные приемы на самодельных деревянных мечах. Они навьючивали на себя разные тряпки, воображая, что это камзолы вельмож, обычная веревка при этом сходила за золоченый аграмант, а половик заменял плащ на меху саргана. Они отвешивали друг другу изысканные поклоны и вели разговоры на языке господ, воображая, что когда-нибудь окажутся в их обществе. Мать считала, что Риордан напрасно потворствует детским фантазиям Стогнара. Зачем напускать на себя благородные манеры, если нет шансов попасть в круг избранных? Максимум, чего мог достичь житель горной деревушки, это стать военным. Но профессия солдата еще более рискованная, чем ремесло охотника. Вот фермер или скотовод - совсем другое дело. Здесь можно рассчитывать на верный доход, который не зависит от удачи, капкана или твердости руки. Но земля на огороде родила плохо, как ее ни поливали, а их единственного козленка Риордан забрал в горы, где его задушил синий барс.

Когда они с матерью зашли в хижину, отец лежал на кровати на спине и дремал. Он теперь часто спал днем, потому что ночами его нередко мучили боли в животе - следствие ран, и иногда он ворочался без сна до рассвета. Лишь ягодная брага могла погрузить его в тяжелое забытие. Все смирились с его пьянством, потому что понимали - это самое простое и дешевое лекарство.

- Папа, - негромко позвал Риордан.

Веки отца приподнялись. Он несколько мгновений озирался вокруг, потом его тяжелый взгляд остановился на фигуре старшего сына.

- Зачем ты ходил в горы? Я же сказал, что сейчас там слишком опасно!

Риордан молча поставил на пол мешок, откинул в сторону пестрый домотканый половик и расстелил на полу драгоценную добычу. Он ожидал восторгов, но

никто не произнес ни слова. Мать охнула и закрыла рот ладонью, а отец приподнялся на кровати, неловко сполз вниз и принялся ощупывать шкуру.

– Целая, – наконец изумленно прошептал он и, словно не веря своим глазам, перевернул шкуру и осмотрел с другой стороны. – Откуда ты ее взял?

Губы Риордана дрогнули.

– Добыл, – ответил он с обидой.

– Но в ней нет ни одной дырки...

– Я целил в глаз. И попал в глаз. Еще я взял желчь, клыки, сердце и печень.

– Хорошо. Но это ерунда. Главное – шкура. Барс был здоров, паразитов на нем нет и мех отличного качества. Такая шкура стоит не меньше двадцати королей. Нет! Если доехать до Овергора и предложить ее одному из этих костюмеров, что обшивают знать, то можно выручить двадцать пять или даже тридцать!

Королями называли золотые монеты с чеканным профилем монарха. Каждый король стоил десяти серебряных рейсов или пятидесяти медных роганов – монет бедняков. Сзади послышался торопливый топот, хлопнула дверь. В хижину влетел младший брат Риордана – Стогнар, отрада матери, сгусток веселой энергии. Не обращая внимания на то, что происходит, Стогнар затараторил:

– Риордан, из Овергора приехал капрал! Настоящий! В мундире! Король объявил новый призыв рекрутов в Воинскую школу!

– А нам какое дело до этого? – сварливо спросила мать. – Мы проиграли три войны за полтора года. За Вертрона скоро некому будет умирать, вот он и ищет новое мясо для военной мясорубки.

– А что это? – Стогнар ткнул пальцем в шкуру.

– Твой брат убил синего барса, – ответил отец.

Стогнар бросился на шею к Риордану.

– Ты настоящий герой! Я всем расскажу, какой ты герой! Риордан! Ты должен пойти со мной на площадь! Скоро начнется смотр. Вдруг нас с тобой возьмут в рекруты?

В деревне Вейнринг не было площади. Но ее жители все равно называли так развилку дорог перед домом бурмистра.

– И думать об этом не смейте! – вскинулась мать. – У нас есть дела поважнее. Нужно натаскать воды из колодца на завтрашнюю поливку, сгрести сорную траву с грядок, а кроме того, надо обработать шкуру, чтобы она не испортилась.

На лбу Риордана прорезалась упрямая морщинка.

– Думаю, что я уже неплохо поработал сегодня. И не будет никакой беды в том, что я схожу посмотреть на эту важную шишку из столицы.

Не давая матери ответить, отец быстро сказал:

– Прогуляйся, Риордан. Я сам справлюсь с мездрением и промывкой. А с огородом до завтра ничего не случится.

– Я возьму пару лепешек? Пожую по дороге...

– Ты знаешь, где они лежат, – ответила мама.

Когда за сыновьями закрылась входная дверь и стихли шаги по крыльцу, отец укоризненно покачал головой:

– Ты слишком сурова с Риорданом.

Мать упрямо сжала губы:

– Может быть. Потому что он становится похож на тебя. На все то, что мне в тебе не нравится!

– И все же он сейчас наш единственный кормилец. К тому же добыл сегодня синего барса. Это сразу поправит все наши дела.

Мать вздохнула:

– Нам хватит рассчитаться с долгами и закупить припасов на всю зиму.

Отец улыбнулся.

– Если ее продать в столице, то останется на плодородное поле в низине. И не нужно будет убиваться на этом бесполезном клочке земли.

Мать, словно без сил, рухнула на стул и разрыдалась. В ее всхлипах слились воедино облегчение, недовольство собой, мужем, нынешним положением семьи, а также та вечная тревога о завтрашнем дне, которую знают только бедняки.

Скиндар, капрал королевской гвардии, курил чубук и наблюдал, как местные олухи собираются на смотр. Проклятые деревенские обычаи! Утром, видите ли, их не застать, потому что никто не захочет бросать работу. То, что Овергор потерпел три поражения подряд, им наплевать! Отряд поединщиков теперь состоял из одного взвода вчерашних резервистов. Мастером войны стал бывший капрал второй десятки, а они даже ухом не поведут, когда будет проиграна следующая кампания. То, что вызов последует сразу, как только минует обязательных шесть месяцев передышки, Скиндар не сомневался. Все королевства мира знают об отчаянном положении Овергора. Вопрос только, кто успеет первым. А они даже не могут выстроиться нормально – стоят кучками и рассматривают ряды золотых пуговиц на его парадном мундире. Капрал раздраженно расстегнул пару крючков на жестком стоячем воротнике. Уже начало смеркаться, а здесь, в низине, все еще душно. Прихода осени не чувствуется совсем. Придется оставаться на ночь в Вейнринге, хлестать кислую настойку бурмиистра и слушать его вранье об очередном неурожае. Скиндар обожал изысканные блюда, шикарную одежду и общество прелестных женщин, но тут, в захудалой деревушке, придется довольствоваться грубой крестьянской пищей, а дочь бурмиистра, которая хоть и бросала на капрала красноречивые взгляды, находилась под неусыпным надзором своей маменьки, и заполучить ее куда-нибудь на сеновал для душевной беседы будет не легче, чем выманить у ее отца ключи от погребов. Словно услышав свое упоминание в мыслях капрала,

староста деревни подошел ближе и угодливым тоном поинтересовался:

– Как вам наши молодцы?

Король Вертрон платил двадцать золотых за каждого рекрута, и бурмистру было обещано три за голову, поэтому его морщинистая небритая физиономия в любое мгновение была готова расплыться в подобострастной улыбке. Капрал поморщился:

– Ощипанные цыплята от больной рахитом курицы, а не молодцы. Где Виннигар?

– Он перестилает вам постель на ночь.

– Позови его. Пора начинать, а то скоро совсем стемнеет.

Через пару минут пришел Виннигар, волоча на себе все необходимое для отбора. При его появлении по небольшой толпе крестьян прокатился восхищенный вздох. Пару лет назад, во времена Меркийской войны, его выпустили на замену заболевшему солдату из первой десятки. Виннигар выиграл три боя, все, кто на него ставил, обогатились, а сражение с Меркией до сих пор оставалось последней победой королевства Овергор. Жизнь воина коротка, но овеяна славой, и за каждым его шагом следят тысячи почитателей.

Скиндар прочистил горло, чтобы привлечь к своим словам внимание народа, и проревел:

– Ну что! Те, кто хочет стать легендой, стройтесь в одну шеренгу передо мной. И поторапливайтесь, пока мы можем различить друг друга в ваших сумерках.

Капрал слегка наклонился к старосте, а тот, видя, что к нему хочет обратиться столичная знаменитость, придвинулся поближе.

– Кто этот здоровяк, что встал посередине?

– Сын кузнеца. Считается самым сильным парнем на всю округу. Но отец вряд ли отпустит его в солдаты. Парень уже несколько лет выполняет всю тяжелую работу в кузне.

- Оно и видно. А этот длинный, но шустрый?

- Тиллиер, сын стеклодува и местный заводила. Забияка, драчун и любимец всех девок, - последнюю фразу бурмистр произнес с явным оттенком недоброжелательности, потому что, похоже, имел основания опасаться за добродетели собственной не по годам развитой дочурки.

- Заметно, что забияка. Синяк на полскулы.

- Это ему Риордан удружил. Во время вечерних танцулек Тиллиер слишком крепко прижал одну красотку, и та начала грозить, мол, дескать ему влетит от ее поклонников. Тиллиер рассмеялся, что отлупит любого...

- Даже сына кузнеца?

- С Дертином никто не захочет связываться, но его трудно расшевелить, к тому же у него есть зазноба в Гроендаге. Сам не видел, но говорят, что девка огненная. Она и по масти рыжая, как грива у моей лошади.

- Плевать на лошадей, их гривы и всех гривоподобных девок! Ты начал рассказывать, как этот дылда отхватил украшение на своей физиономии.

- Так вот мимо как раз проходил Риордан, ну и наша красотка обратилась к нему, мол, меня обижают, заступись. Ну, вы знаете, как молодые девки любят стравливать между собой парней, чтобы набить себе цену. Но Риордан даже ухом не повел. Зато, когда Тиллиер поднял его на смех, дескать, хорош защитничек в отцовских обносках, Риордан молча развернулся и вздул нашего балагура. Да так, что Тиллиер пару дней на людях не показывался. Этот синяк уже у него проходит, видели бы вы, что было раньше!

- Кто такой Риордан?

- Вон он стоит поодаль с младшим братом. Все в тех же отцовских обносках.

- Этот щуплый урод с руками, как лопасти мельницы?

– Да, – согласился бурмистр. – В отца пошел, не в мать. Мать у него была настоящей красавицей, – староста улыбнулся, видимо вспоминая нечто приятное из собственной юности. – На нее похож младший брат Риордана, Стогнар. А Риордан – отцовская копия. Он у него был довольно известным местным охотником. Был, да весь кончился.

– Умер?

– Нет. Пару лет назад сильно пострадал на охоте, теперь лежит дома, а Риордан охотится вместо него.

– Он что, не желает участвовать в отборе?

– Ему, как обычно, на все плевать. Сейчас спрошу. Эй, Риордан, а разве ты не хочешь заявиться на смотр храбрецов?

По шеренге претендентов пробежали осторожные смешки. За Риордана ответил младший брат:

– Зачем ему смотр храбрецов, если он уже настоящий герой? Риордан сегодня убил синего барса!

Смешки немедленно сменились изумленными возгласами. Даже капрал оторопел от удивления:

– Синего барса?! Слышишь, парень, это вранье, конечно?

– Нет, – последовал лаконичный ответ.

– То есть ты здесь, перед всем народом утверждаешь, что в одиночку убил хищника, на которого и втроем выходить опасно?

– Я не утверждаю, а просто стою тут, – снова смешки. – Но шкура добытого мной барса у нас дома, ей сейчас занимается мой отец. И каждый, если захочет, может ее увидеть.

Всеобщее молчание. Капрал озадаченно почесал за ухом и посмотрел на бурмистра. Тот развел руками, дескать, такой вот он, Риордан. Когда Скиндар снова заговорил, тон его был совсем иным:

– Гордость Овергора – его армия! Нет на свете дела почетней, чем защита Родины.

– Но говорят, что солдаты у нас живут недолго, – выкрикнул кто-то из толпы крестьян.

– Мура собачья! – рявкнул капрал. – Да, бывает, что мы погибаем. Но каждый, кто погиб, оживает в летописях и легендах! В бой идут самые достойные, лучшие из нас, а кто ослабел рукой или не желает, увольняется со службы. Зато их будущее и будущее их семей обеспечено. Вот в мундире с серебряным шитьем стоит Виннигар, прошедший три кампании. Он жив и не желает иной судьбы. Вельможи при встрече с ним снимают шляпы, городские красотки изо всех сил крутят бедрами, стоит лишь Виннигару показаться на улице. За его португую барон Унбог предлагал десять королей, чтобы иметь возможность повесить ее в главной зале своего дворца, но Виннигар не пожелал с ней расстаться. Жизнь солдата – это путь подвигов, славы и приключений. Удача попасть в армию улыбается одному из тысячи. И вам сегодня выпал шанс попытаться.

– Возьмите меня в солдаты, – тоненьким голоском попросил младший брат Риордана. – Я каждый день тренировался!

– Ты еще мал для армии. Вот годика через три можешь попробовать. А сегодня твой брат удостоен такой чести. Но он почему-то робеет.

– Ничего я не робею, – буркнул Риордан, делая несколько шагов вперед и становясь на левом фланге.

Похоже, слова о красивом мундире и деньгах произвели на него впечатление.

– Отлично, – усмехнулся капрал. – Виннигар! Можешь начинать испытание.

Солдат сделал несколько шагов вперед и положил перед собой прямоугольный ларец, который доверху был заполнен ячейками с мраморными шариками.

Достав один, Виннигар подкинул его в воздух и насмешливым тоном обратился к рекрутам:

– Слушать меня, вы, задохлики. Я начну метать в вас эти игрушки, а вы попробуете увернуться. Кто будет недостаточно ловок и подставит лоб, получит себе отметину, которой потом сможет хвастаться перед своей зазной. Те, в кого я попаду трижды из пяти попыток, сразу подбирают соплю и бегут плакаться к своей мамочке. Всем понятно? Начинаем с правого фланга. Эй ты, увалень деревенский! Три шага вперед и постарайся стать плоским, как доска, чтобы не отведал моих гостинцев!

Скиндар, как опытный ловец душ, сразу выделил для себя этих троих. Дертина, Тиллиера и Риордана. Первый массивный, словно скала, несмотря на юный возраст, второй хоть и длинный, зато вертлявый и, судя по всему, обладает отличной координацией. Третий, угрюмый, несуразный, но в нем ощутимо чувствовалась какая-то злая упрямая сила, а взгляд был похож на короткий укол шпагой. Кроме природных данных воину-поединщику требовалась та доля харизмы и неповторимой индивидуальности, которая делает из солдат любимцев народа, объект всеобщего поклонения, и в каждом из этой троицы ощущалось нечто подобное.

Травмы начались сразу. Первому же конкурсанту Виннигар, как и обещал, рассек лоб, третьему раскровянил губу, а пятому вышиб пару зубов. Народ, который одобрителем гулом встречал каждый удачный нырок молодых односельчан, теперь испуганно притих, глядя на молодого парня, выплевывающего красные сгустки. Но это ничего. Королю не нужны трусы и нытики, они погибают сразу и подводят своих товарищей. Настала очередь Дертина. Каждый, кто сейчас был на площади, понимал, что у здоровяка нет ни единого шанса увернуться от снарядов Виннигара. Это понимал и сам Дертин, потому что даже не пытался. Он отбил все шарики кулаками и ладонями, морщился, но держался стойко. Скиндар прервал состязание.

– Эй ты, бычок-трехлеток! Ну-ка подойди ко мне. Покажи свои руки. Кгм... Ты одолел первое испытание, но один палец у тебя сломан, левая кисть разбита, а правая завтра опухнет, словно сдобная булка. Ты не пройдешь второй раунд, потому что нужно будет держать в руке меч.

– Я справлюсь, – кривясь от боли, промычал сын кузнеца.

Капрал пожал плечами.

– Ладно, дело твое. Бурмистр сказал, что отец против твоей военной карьеры.

– Я уже взрослый, скоро женюсь, а моя невеста мечтает жить в столице. На жалованье солдата я смогу купить дом в Овергоре.

– Встань в строй.

В Тиллиера не попал ни один шарик. Как ни старался Виннигар, юноша увернулся от всех его бросков. Скиндар удовлетворенно усмехнулся. По крайней мере, у него есть один приличный кандидат в рекруты. Когда очередь дошла до Риордана, из пятнадцати претендентов первое испытание преодолело четверо. Староста распорядился – принесли несколько шестов с чадящими факелами и воткнули их в землю, так что света теперь хватало. Риордан легко уклонился от первых четырех шаров, а пятый неожиданно для всех поймал.

– Еще один балбес, – проворчал Скиндар. – И к тому же правой рукой! Ты отсушил себе кисть, сынок, так что впереди тебе ничего не светит.

Риордан молча швырнул шарик обратно, да так быстро и неожиданно, что Виннигар сам не успел увернуться и получил чувствительный удар в грудь. Гвардеец охнул, растирая ушибленное место. В толпе крестьян вновь раздались смешки.

– Это ответ Овергору от Вейнринга, – выкрикнул кто-то.

– Ничего я не отсушил, – дерзко бросил юнец. – Я поймал его сбоку, когда он пролетал мимо.

Скиндар обратил внимание, каким злым взглядом Виннигар смотрит на выскочку, и сказал себе, что подросток определенно умеет заводить друзей. Капрал громко хлопнул в ладоши.

– Ладно. Вы, пятеро, готовьтесь ко второму раунду, а остальные могут быть свободны. Увидимся в следующем году или в лучшем мире.

Виннигар размотал узел с тренировочными мечами и ткнул на них пальцем.

– А ну, расхватали живо! Да нечего в них копать, они все одинаковые! Так, держим меч крепко и защищаем себя. Я беру такой же.

– Веселей, ребята! – прикрикнул капрал. – За тренировочный бой с победителем Меркийской войны любой вельможа с радостью заплатит пару десятков рейсов, а с вас мы денег не берем!

Пять раз подряд Виннигар вышиб меч из рук первого кандидата, а потом молча ткнул рукой в направлении толпы односельчан, мол, твое место там, парень. Следующим вышел Дертин. Этот держал оружие крепко, несмотря на полученные травмы, но не смог толком отразить ни одного выпада. Напоследок Виннигар от души шлепнул мечом здоровяка по спине, сделал шаг назад и вопросительно посмотрел на капрала. Тот вздохнул:

– Да... Изрядный кусок бестолковщины. Но пусть пока останется. По крайней мере, у него есть характер. Следующий!

На очереди был Тиллиер. Этот претендент, гибкий, как змея, и подвижный, как крыса-змееед, долго не давал себя задеть. Он уворачивался, бросался из стороны в сторону, а острие меча Виннигара следовало за ним, словно сама судьба. Было видно, что солдат не торопится, дает рекруту выдохнуться, и скоро Тиллиер начал уставать. Воздух с хрипом вырывался из его горла, движения стали судорожными, близилась развязка. Капрал снова хлопнул в ладоши.

– Вся ясно. Достаточно. Следующий.

Дальше вперед вышел невысокий, крепко скроенный юноша с черной курчавой шевелюрой. Не такой массивный, как Дертин, но с хорошо развитым плечевым поясом и выпуклой грудью. Виннигар сразу вышиб у него меч, но потом парень собрался и пару раз отбил атаки гвардейца. Но несколько выпадов пропустил, включая последний – в живот. После чего рухнул на колени, и его лицо исказилось гримасой боли. Скиндар спросил своего помощника:

– Что, сильно задел?

- Прилично. Но без последствий, переживет.

Капрал кивнул и обратился к рекруту:

- Как себя чувствуешь?

- Нормально, - сквозь зубы процедил тот.

- А раз нормально, чего валяешься?

Парень поднялся, его лицо все еще было сведено болевой судорогой, но с губ ни сорвалось ни единого стога.

- Кто такой? - вполголоса спросил Скиндар у бурмистра.

- Хоракт, сын мельника.

- Крепкий парень.

- С малолетства помогал отцу, ворочал мешки, да так, что надорвался.

Скиндар подошел к рекруту:

- Подними рубаху!

Тот со вздохом задрал край своей серой сорочки. Стала видна свежая ссадина от тычка Виннигара, а одна сторона живота явно выпирала.

- Как ты осмелился участвовать в состязании? - прорычал капрал.

- Это было пять лет назад, а живот мне вправил лекарь. Он сказал, что это не страшно, просто новая мышца выросла на поврежденное место. Я могу поднимать тяжести не хуже других.

Хоракт лгал, глядя прямо в лицо капралу. Да, он мог поднимать тяжести, но потом мучился спазмами. Отец часто говорил, что с таким недугом мельником

ему не бывать. Скиндар пожевал губами.

– Ладно, посмотрим. Но если попадешь в Воинскую школу, то должен быть не хуже, а лучше других, или я тебя оттуда лично вышибу. Следующий!

Риордан замыкал список участников второго состязания. Когда гвардеец встал напротив него, по лицу Виннигара скользнула легкая усмешка. Солдат атаковал сразу, комбинацией, целью которой было выбить из руки Риордана меч. Финальный удар был замаскирован несколькими финтами, и он прошел с той силой, на которую был рассчитан. Мечи сшиблись с громким треском, но Риордан устоял, хоть и отступил на пару шагов. Тут же, без паузы, клинок Виннигара скользнул в верхний уровень, метя в лицо, и снова был отбит. И опять Риордан попятился. Толпа крестьян ответила на действия подростка радостными выкриками. Гвардеец прикусил губу и вновь перешел в атаку. Он сделал длинный выпад, чтобы на этот раз точно достать соперника, но Риордан неожиданно сместился вправо, тем самым проваливая солдата вперед, и лезвие его меча сначала чиркнуло тому по предплечью, а мгновение спустя остановилось в нескольких дюймах от горла. В тот же момент клинок Виннигара ударил рекрута по бедру, отчего тот охнул и присел. Зрители ответили недовольным ропотом на его действие – все видели, кто успел первым. Солдат сконфуженно опустил меч и обернулся к капралу.

– Что-то я слишком увлекся, – пробормотал он.

– Тебя обучали бою на мечах? – спросил Скиндар паренька.

– Нет, – угрюмо ответил тот. – Но я почти каждый день играл ими с братом.

В толпе засмеялись. Виннигар с силой бросил учебный клинок на землю. Если в столице узнают о его конфузе, не миновать насмешек. Один из чемпионов Овергора проиграл бой щенку, все навыки которого состоят из баловства игрушечным мечом!

Скиндар поднял руку, прерывая всеобщее оживление.

– Ладно, теперь посмотрим на вашу выносливость. Взяли оружие! Вытянуть руку и развернуть меч параллельно земле. Держим. Когда станет невмоготу, можете опустить.

Через пару минут сдался Тиллиер. Потом медленно опустился меч Хоракт. Руку Дертина била усиливающаяся дрожь, а Риордан замер, будто статуя, губы его превратились в белую нитку, а лицо напоминало каменную маску. Наконец и Дертин, отдуваясь словно вол, прекратил испытание. Скиндар выжидательно посмотрел на последнего рекрута, но тот по-прежнему стоял неподвижно, не собираясь сдаваться.

Капрал усмехнулся.

– Хорошо. Упор лежа. Отжимаемся от земли на руках, спину держим прямую. Начали! Виннигар, веди счет.

На тридцатом повторении остался один Дертин. Предпоследним от земли не поднялся Риордан, и было непонятно, то ли парень устал, но не подает виду, то ли просто решил остановиться.

– Теперь приседания. Кто встанет на ноги на пятидесятый раз может считать себя счастливым и избранником богов. Виннигар, командуй.

Пятьдесят раз присел каждый из претендентов. Тяжелее всего испытание далось Тиллиеру. Было заметно, что парень еле стоит на ногах.

– А теперь все прочистили уши, – рявкнул Скиндар. – Вы прошли отбор и признаны годными для Воинской школы. Наступило время решения. Если жители королевства доверят вам свою судьбу, вы готовы умереть за Овергор?

Три «да» прозвучало хоть и вразнобой, но громко. Губы Риордана шевельнулись, но он ничего не произнес.

– Эй ты, как тебя там! Я только что обращался к тебе! Ты готов отдать жизнь за короля и народ?

– Я не знаю, – совсем тихо ответил паренек.

Из толпы раздался свист, Виннигар презрительно хмыкнул. По скулам капрала заходили тугие желваки.

- Зачем ты участвовал в отборе?

- Я просто пришел сюда с братом...

- Мне наплевать, с кем ты сюда пришел - с братом или козой на привязи! Если ты не воин по духу, значит, незаконно занял чье-то место! Нам нужны самые лучшие, нам не нужны трусы и мямли!

- Я не трус! - отчаянно выкрикнул Риордан.

- Надеюсь, - усмехнулся Скиндар. - Иначе все подумают, что твой синий барс просто издох от старости. Спрашиваю еще раз - ты готов умереть за Овергор?

- Да, - тихо ответил Риордан.

- Громче, пусть тебя услышат.

- Да!!!

- Хорошо. Король Вертрон принимает твою жизнь. Теперь для всех. Завтра я приду и буду говорить с вашими родителями. Если вас при этом не окажется дома, ваша клятва будет аннулирована. Можете жить спокойно до старости, с клеймом слабака, - капрал внимательно посмотрел на Риордана. - Отбор в Воинскую школу закончен.

Домашние фонари со светляками отбрасывали на стены дома прыгающие тени, которые перемещались вместе с движением насекомых. Жуки время от времени расправляли крылья, пытаясь взлететь, и их гудение действовало Скиндару на нервы. Бурмистр, жалкий скопидом, даже не подумал о том, чтобы обеспечить знатного гостя нормальным ночником. «Здесь мы привыкли экономить на всем». Гнусный враль. Капрал решил, что даст ему за Хоракта один золотой вместо трех. В конце концов, он подсунул рекрута с паховой грыжей, так что должен за это поплатиться. Негромко скрипнула отворившаяся дверь. На красной физиономии Виннигара тоже плясали световые пятна, потому что солдат держал в руках ровно такую же лампу.

– Чего тебе? И почему без стука?

– Я не хотел вас случайно разбудить.

С первыми словами из его пасти густо пахло перегаром от местного грубого пошла. Наверняка наакался с деревенскими, а те готовы наливать ветерану сражений за его байки о победах. С улицы до сих пор слышались голоса, смеялись и повизгивали девки. Конечно! Ублажить героя Меркийской войны для многих из них было заветной целью. Ребенка, рожденного от солдата, государство сразу брало под свою опеку.

– Почему ты не разогнал этот сброд? – палец Скиндара ткнул в направлении темного окна. – Они мешают мне заснуть.

– Сейчас схожу, – виновато ответил солдат. – Хотел узнать насчет отбора... Мы возьмем Дертина?

Капрал зевнул.

– Никудышный боец. Но этот верзила сгодится в качестве «сундука».

Когда умелый воин выдыхается, у него первым делом падает скорость. И если в следующем поединке он нарвется на противника, который значительно превосходит его в физической мощи, то даже подлинный мастер бессилён. Такая расстановка называется «заманить в сундук» или «положить в сундук», и на нее неоднократно попадались даже признанные технари. А бывшие неумехи в одночасье становились национальными героями. В армии Овергора сейчас не было нормальных «сундуков», вернее всех их к тому моменту попросту вырезали.

Виннигар помедлил.

– А что вы думаете о Риордане? Я знаю, парень хорошо держался, но мне кажется, что у него нет настоящей храбрости.

Скиндар язвительно хмыкнул:

– И доказательством его трусости, по твоему мнению, служит тот факт, что Риордан в одиночку вышел на синего барса и одолел зверя.

– Нет, я не то имел в виду. Да кто знает, что там было с этим барсом! Но ему просто повезло сегодня.

– Злоба и обида застилает тебе глаза, Виннигар. Храбрость делится на отвагу и мужество. Первая заставляет людей идти навстречу опасности, второе – не отступать при ее приближении. Для армии мужество ценнее отваги, потому что его верный спутник – хладнокровие. Риордан дважды пытался перед тобой, хотя мог этого не делать. При ваших сшибках кисть у него не отклонялась, я видел. Но он попятился, словно струсил. И ты, с твоим опытом и мастерством, поверил и бросился вперед. Если бы у Риордана в руках был настоящий меч, ты бы не смог врезать ему по ноге. Знаешь почему? Ты был бы очень занят, зажимая руками свое перерезанное горло. Поверь моему опыту – у этого молокососа отличное боевое мышление.

– Простите меня, капрал, – тихо сказал Виннигар.

– Иди, проспись, солдат. И захвати с собой проклятые лампы, а то с этими жуками я всю ночь глаз не сомкну.

Если бы Риордан мог услышать этот разговор, он бы изрядно смутился. Дело в том, что сам он не верил в собственное мужество, а наоборот – постоянно подозревал и обвинял себя в малодушии. Но он успел убедиться в том, что стоит страху припереть его к стенке, то откуда-то из глубины природы или характера появляется решимость для преодоления себя. Так было с охотой в горах. При первых вылазках он боялся до дрожи, потом испуг сменился упорством и злой сосредоточенностью. Когда он выходил из укрытия на синего барса, его колени ходили ходуном от ужаса, но едва он наткнулся глазами на взгляд хищника, выражающий только ярость и желание убивать, паника отступила, духу вернулась уверенность, а рукам твердость. Если его подначивали сверстники, он часто отворачивался с гордым невозмутимым видом и потом корил себя за трусость, но стоило Тиллиеру грубо пройти насчет отца, назвать его одежду обносками и тем самым перейти черту, как внезапно Риордан ощутил холодную злость и решимость наказать наглеца. Более того, если бы на месте Тиллиера был Дертин, здоровяку тоже бы не поздоровилось, потому что в том момент

Риордан ощущал себя несокрушимым. На отборе Виннигар не просто хотел испытать его, он хотел уничтожить морально, рассчитаться за собственное унижение на первом состязании, и чувство безвыходности подсказало стратегию поединка. Так что Риордан презирал себя за малодушие, но всегда шел навстречу страху, потому что знал – он может преодолеть его и стать сильнее. А может, это и было тем самым мужеством, о котором толковал Скиндар?

Рассветные блики солнца подогрели небеса, и облака плавали в нем словно розовый пух. Пастухи, перекликаясь, гнали стадо домашних сарганов вверх по склону горы. Траву на обочине дороги густо покрывала серебряная бахрома росы. Скиндар остановился перед крайним по улице домом. Все было, как описал ему бурмистр. Плетень из кривых жердей, соломенная крыша, низкие оконца. Судя по внешнему виду хозяйства, людям, что тут поселились, не хватало крестьянской жилки, хотя, если верить рассказу старосты, лентяями они не были. Капрал отворил калитку, и конечно же она была плохо подогнана, а ржавые петли скрипели, будто жаловались на владельцев дома. Прямо перед крыльцом на шестах была натянута шкура синего барса, а рядом с ней на табурете сидел мужчина с серым одутловатым лицом и курил самодельную папиросу. Густые клубы дыма говорили о том, что табак у него был дрянной. Капрал остановился напротив шкуры, задумчиво провел пальцами по меху, наблюдая, как он переливается в рассветных лучах.

– Качество отменное, можете не сомневаться, – сказал хозяин. – Ни одного изъяна.

– Вроде бы с сединой шерсть, – обронил капрал. – Старый был барс?

– Это от того, что мех зимний. Зверю так легче прятаться на фоне снегов. Зимний мех самый густой, шелковистый и упругий. А возраст... – мужчина отогнул край шкуры. – Посмотрите на мездру. Видите, какая белая? Значит, зверь был молодой. В столице скорняжные мастера часто подкрашивают шкуры барсов сурьмяным блеском, чтобы набить цену, а эта сама играет, словно тысяча самоцветов. Удивительная шкура, скажу я вам. Редкая шкура!

– Ну, не знаю, – с сомнением качнул головой Скиндар. – Могу взять за пятнадцать королей.

Хозяин засмеялся, из деликатности перед важным гостем прикрывая рот ладонью:

– Да что вы говорите? Я ее и за семьдесят не отдам. В Овергоре за такую просят не меньше сотни.

– Скажешь – сотня! Целое состояние! Наследство! Какой дурак выложит сотню золотых за кусок кожи с шерстью, которая вылезет через пару лет!

– Любой вельможа, у которого есть деньги и который разбирается в мехах! – запальчиво возразил мужчина. – Да эта шкура достойна самого короля Вертрона!

Капрал перевел свой тяжелый взгляд на хозяина дома. Станный человек. К нему пришли, чтобы забрать старшего сына в жизнь, полную опасностей, может быть даже ведущую к скорой гибели, а он торгуется из-за этой несчастной шкуры. А ведь наверняка понимает причину визита. Вот она, тупая забитость бедняков.

– Вы отец Риордана? – спросил капрал.

– Да. Мое имя Лесат, – представился мужчина. – Меня все тут знают. Много лет я снабжал Вейнринг отличной дичью...

– Я – Скиндар, капрал войска Овергора и наставник Воинской школы. Ваш сын вчера выдержал рекрутский отбор. Кстати, он дома?

Лесат мотнул головой в сторону огорода, что начинался прямо за хижинкой.

– Вместе с младшим братом помогает матери с поливкой.

Через полчаса Скиндар и семейство бывшего охотника сидело вокруг прямоугольного, плохо выструганного стола, а мать Риордана, сухощавая женщина с внешностью, еще хранившей следы былой красоты, наливала всем горячий настой из горных трав. Капрал для приличия пригубил напиток и тут же отставил его в сторону.

– Вы, без сомнений, уже знаете, что вчера ваш старший сын прошел рекрутский смотр и присягнул на верность Овергору.

Мать Риордана выпрямилась на стуле, ее черты окаменели от гнева.

– Нечего сказать – весьма благородно выманить клятву у подростка. Подобные поступки не делают честь королю Вертрону.

Удар был направлен так метко, что Скиндар поневоле усмехнулся. «Поступок человека в королевском мундире – это поступок самого короля». Этим изречением отец Вертрона Гедрик озаглавил свой манифест «О вольностях», и с тех пор оно широко разошлось в народе.

– Пока на гербовой бумаге нет ваших подписей, его присяга не имеет силы, – сказал Скиндар. – Он может от нее отказаться прямо сейчас.

Риордан сидел неподвижно, бледный и растрепанный. Его глаза были полузакрыты, но Скиндар готов был поклясться, что парень жадно ловит каждое его слово. Лицо подростка казалось еще более отталкивающим, чем накануне. Узкие губы, низкий лоб, толстый короткий нос и подбородок, которым при желании можно колоть орехи. Этакая ухудшенная копия своего отца, где каждая несуразность подчеркнута и словно специально выставлена напоказ. Интересно, как воспринимает карикатурную внешность старшего сына его красивая мать, при том, что младший – ее отражение в зеркале.

– Отказаться? – губы матери Риордана скривились от горькой улыбки. – И заслужить насмешки и презрение всей деревни? Достойный выбор вы нам оставили! Но мы все равно должны его принять, потому что Риордан – наш единственный добытчик.

Отец беспокойно заерзал на своем стуле. Ему было не по себе от грубого тона супруги, но он не решился ей перечить. Картина взаимоотношений в их роду предстала для Скиндара совершенно отчетливо. Есть мать, которая возделывает семью, словно свой огород, где имеются три растения: бесполезное, полезное, но уродливое, и красивое, которое может вырасти в нечто многообещающее. Каждой культуре предусмотрено свое место, и выдрать с корнем одно означает нарушить весь растительный баланс. По большому счету им плевать на злословие односельчан. Отпустив Риордана, они лишатся гораздо большего, чем

доброе имя, – они потеряют источник своего существования. Чтобы придать своим словам больший вес, капрал Воинской школы прочистил горло и положил на стол внушительный кулак, который немедленно приковал взгляды всех присутствующих:

– Хорошенько запомните! Ни одна семья, вырастившая для Овергора воина, не бедствует и не нуждается. Такие мысли – тяжкое оскорбление короля Вертрона. За рекрута вы получите награду. Десять золотых. Столько мы платим за новобранца и не требуем денег назад, даже если отчисляем его через неделю, – первоначально Скиндар думал ограничиться семью монетами, но решил проявить расточительность. – Все время, пока Риордан будет находиться в Воинской школе, его близким выплачивается пансион в размере ста роганов в месяц. Этого достаточно, чтобы прокормиться. При переводе его в армию он будет получать жалованье. Новобранцам платят пятьдесят рейсов в месяц, половину он может отсылать домой, потому что будет жить на всем готовом. Солдаты из первой десятки просто купаются в деньгах, а кроме того, за победу в войне они имеют долю в контрибуции. Так что ваше будущее с этого момента обеспечено.

– Сначала они купаются в славе, а потом большинство матерей оплакивает своих детей, – вздохнула мать Риордана.

– При гибели солдата его семья получает разовую погребальную пенсию в размере сорока золотых. Щедрость короля не может близким заменить павшего родственника, но дает шанс на безбедную жизнь. И потом гибнет далеко не каждый. Кто-то увольняется в запас, некоторых мы сами списываем. На битву выходят только самые достойные. Один слабый боец стоит девяти жизней его товарищей и победы в сражении. И каждый Мастер войны это понимает, поэтому дает шанс лишь наиболее подготовленным. Они рады оспаривать друг у друга это право, потому что оно заслужено месяцами тяжелых тренировок. На Парапет Доблести вступают только настоящие герои. Лучшие из нас. Ну, а ты, парень, чего молчишь? Решается твоя судьба, и ты имеешь право голоса за этим столом.

Отец метнул на Риордана тревожный взгляд, а мать опустила глаза в пол. Несомненно, у них со вчерашнего дня прошел уже не один душераздирающий разговор.

– Я знаю, что если захочу, то смогу стать очень хорошим солдатом. Но я не знаю, хочу ли я этого.

– Сейчас самое время решить, чего ты хочешь, потому что второго шанса тебе не представится, – произнес Скиндар. Но сказал он это напрасно, потому что Риордан не расслышал его слов, а продолжал будто разговаривать сам с собой. Внезапно капрал испытал огромное облегчение. Он подметил, каким восхищенным взглядом смотрит на Риордана младший брат, а этот наверняка все уже знает. Решение принято. От того так напряжены родители – они пытались, но не смогли повлиять на сына, хотя до сих пор надеются на чудо.

– В любом случае я уже присягнул королю Вертрону, – продолжал Риордан. – Мне еще мало лет, но в этой деревне любой скажет, что я не бросаю слова на ветер. Что нужно подписать?

Пока Скиндар доставал из кармана камзола гербовую бумагу и каллиграфический набор, мать беззвучно рыдала, а к отцовскому лицу вновь вернулось прежнее отрешенное выражение. «Моя жизнь кончена, меня почти уже нет, так что разбирайтесь сами» – всем видом показывал он.

– Так, – Скиндар отчеркнул ногтем нужные места. – Здесь, здесь и здесь. Все три. И вот еще что. Я куплю эту шкуру за сорок королей и ни одним золотым больше. Можете ничего не говорить, Лесат, я не буду торговаться. Королевская охотничья артель уже полмесяца в горах. Когда они вернутся, на рынке может оказаться столько шкур барсов, что вашу и за двадцать золотых никто не возьмет. Продаете за мою цену или нет?

– Продаю, – буркнул бывший охотник. – Но она еще не готова.

Капрал выставил на стол стопку монет.

– Переправите мне ее с надежными людьми в Овергор, когда доделаете. Вот десять золотых задатка, – он поставил рядом еще один такой же столбик. – А это – дар короля Вертрона за рекрута. Пересчитайте. И – поздравляю. Теперь вы можете забыть о нужде.

– Когда мне собираться? – спросил Риордан.

– Сначала распишитесь. Так...

Капрал хлопнул сверху печать короля Вертрона и произнес со всей суровостью в голосе:

– С этого момента, сынок, твоя судьба связана с армией, а жизнь принадлежит Овергору. Вся, без остатка.

Когда собираться? Прямо сейчас. Мы отправляемся немедленно. И не тащи с собой лишнего. Все необходимое ты получишь в казарме, так что любая вещь, которую ты возьмешь из дома, окажется ненужной. Через два месяца, после первой ступени обучения родные смогут тебя навестить. Дорогу туда и обратно оплатит казна.

Капрал со своим опытом знал, что в такой сложный миг рекруту нельзя давать время на раздумья и сомнения. Когда жребий брошен, под договором стоят подписи и печать, сожаления набрасываются на новобранца с новой силой. И бывает так, что парни не выдерживают и сбегают, стоит их оставить наедине с собой. А это уже дезертирство из армии, наказание за которое – смерть.

Через некоторое время слез, неловких объятий и восторженных воплей младшего брата дверь хижины закрылась за Риорданом и капралом. Мать снова опустилась на стул, ее руки беспомощно повисли вдоль тела.

– Десять золотых, – хрипло сказала женщина. – Вот цена, за которую мы продали жизнь своего сына.

– И шкура, – напомнил отец.

– И шкура, – безучастно согласилась мать.

Глава 2

Высокая стоимость

Они вышли из калитки на улицу Эта убогая хижина так и не стала Риордану родным домом, но он все равно бросил взгляд назад, потому что на крыльце

радостно подпрыгивал Стогнар и махал брату рукой. Риордан улыбнулся и кивнул головой в ответ. А потом поправил за спиной свою охотничью котомку и зашагал за капралом.

Из-под соседских ворот торчало рыло клыкастой ночной свиньи. Этих животных пастухи по вечерам выгоняли в низины, в которых скапливалась вода. Свиньи своими короткими кривыми бивнями рыли корни желтокрыльника, рогоза и с чавканьем пожирали их вместе с жирной почвой, отчего их прозвали «земледами». Мясо этих зверюг по вкусу не уступало древесной коре, а по жесткости могло соперничать с копытом, зато из свиной кожи тачали превосходные сапоги, а из длинного вьющегося волоса ткали материю, которая почти не пропускала влагу. Клыкастая морда подозрительно проводила проходящих мимо людей, неодобрительно рыкнула, а затем скрылась в глубине двора.

Утренние солнечные лучи дробились в стеклянных окнах дома бурмистра на тысячи радужных иголок, отчего сам особняк приобрел величие, обычно ему несвойственное. Перед калиткой стояли трое – Виннигар, Тиллиер и Хоракт. У их ног лежали походные торбы. По сравнению с рекрутами солдат выглядел настоящим героем – подогнанная по фигуре форменка, осанка, надменносуровый взгляд, но лицо его было багровым, покрасневшие глаза часто моргали, и вообще, если присмотреться, то становилось ясно, что этой ночью беднягу основательно заездили горячие девки Вейнринга. Оба новобранца были в красных беретах, украшенных пером стеклянного грифа, которые мужчины из деревни надевали на праздники, а в остальном их наряды ничем не подчеркивали торжественность дня – простых домотканые штаны, плащи из телячьей кожи. Когда Скиндар и Риордан присоединились к группе, Тиллиер насмешливо бросил:

– Нам говорили, что гражданские шмотки все равно отберут и сожгут, так что все оделись попроще. И только Риордан нацепил свой лучший наряд.

Виннигар и Хоракт хмыкнули. Сегодня Риордан был одет так же, как и вчера – в свою поношенную охотничью куртку, с заплатами на локтях. Он никак не отреагировал на подначку, очевидно, прикидывая на взгляд прочность лицевых костей Тиллиера.

– Скажите, Скиндар, а скоро нам выдадут красивые мундиры? Такие же, как у Виннигара? – поинтересовался Хоракт у капрала, но тот демонстративно

отвернулся в сторону.

Рекруту ответил Виннигар, герой Меркийской войны:

– Ты – теперь новобранец армии, а не крестьянский увалень, и для начала запомни, что к наставнику Воинской школы следует обращаться словами «господин капрал, разрешите беспокоить». Руки при этом сжаты по швам, подбородок поднят, глаз ясный. На первый раз прощаю, но за следующую вольность получишь оплеуху за неуважение к чину. При повторном нарушении субординации отведаешь десять палок. А насчет твоего вопроса отвечаю: в Овергоре пройдет королевский смотр, после этого вас зачислят в каммеры. Это будет вашим первым званием.

– А что оно означает? – поинтересовался Тиллиер, но под тяжелым взглядом солдата поперхнулся словами и попытался исправиться: – Осмелюсь потревожить, господин...

– Роканд, – подсказал Виннигар. – Мое звание – роканд. Это солдат, который прошел более одной кампании. Каммер – новобранец, вчерашний рекрут. Те из вас, кто окончит Воинскую школу, после королевского смотра становятся гриерами – воинами регулярной армии Овергора.

– Королевские смотры – это когда сам Вертрон присутствует?

Звонкий шлепок! И нарядный берет Тиллиера полетел в росистую траву. Глаза подростка увлажнились от обиды, а Виннигар ухмылялся с видом плотно пообедавшего ящера.

– Перебивать, как я понял, тоже нельзя, – мрачно заметил Риордан, и это были его первые слова за сегодня.

– Господин роканд, разрешите беспокоить? – скороговоркой выпалил Хоракт.

Виннигар милостиво кивнул.

– Мы ждем Дертина?

– Никого мы не ждем. Вашего здоровяка не отпустил отец. И еще надавал затрещин за глупые фантазии об армии. Мы сейчас же трогаемся в путь. Идти будем быстро, считайте марш до Овергора своей первой военной тренировкой. На ночь остановимся в Гроендаге. К третьему дню похода я рассчитываю добраться до Зомердага.

Тиллиер выразительно присвистнул. Зомердаг – это почти пригород столицы, и путь до него неблизкий. А Риордан бросил привычный взгляд на вершины Тиверийского хребта, как всегда делал, отправляясь на охоту. Над белой вершиной горы Унгорн души предков варили кашу. Темная пена облаков сползает вниз на попутном ветре, а это значит, что им предстоит по дороге в лучшем случае вымокнуть. Про худший вариант даже думать не хотелось. Если разразится гроза, то ее бесноватые молнии могут оказаться безжалостными к путникам, что путешествуют по равнине. Риордан поежился, машинально втянул голову в плечи и зашагал за остальными. Он уже привык к тому, что его мнением мало кто интересуется. Быстро повзрослевший ребенок, он не мог правильно истолковать чувства окружающих. Их пренебрежение воспринималось им как неприятие его уродливой внешности. Риордан был уверен, что мать и отец чуждаются его, но не понимал причины их отстраненности. Хотя все обстояло не так, как ему представлялось. Отец не брезговал сыном. Наоборот, он втайне гордился своим отпрыском, но одновременно в присутствии Риордана его постоянно терзали муки совести за бездарно потраченную жизнь, неспособность обеспечить семью. Из Риордана постепенно вылепливался такой человек, каким ему самому следовало стать когда-то. И это тоже являлось молчаливым укором. Кроме того, Лесат испытывал страх, что когда-нибудь сын поймет все это, и в его взгляде появится осуждение, а может даже возникнет вопрос, на который у его отца не найдется ответа. Решительной и властной матери тоже было не по себе в присутствии Риордана, но совсем по иной причине. Ей прочили прекрасное будущее, красота могла добыть ей такую судьбу, которой не выпало по праву рождения, но она сама совершила неверный выбор. Девичьи грезы смыло в водоворот забот; она, сцепив зубы, тянула тяжелую крестьянскую лямку, отказывая себе во многом.

Эта ноша легла на ее чело печатью перенесенных страданий. Кому теперь нужны книжки с красивыми картинками, которые она покупала раньше? Она пыталась привить своим сыновьям правильную речь и манеры, рассчитывая на то, что кто-нибудь из них сможет со временем перебраться в столицу, открыть пушную лавку для продаж мехов и шкур, которые сноровисто добывал их отец. Но теперь большинство книжек разодрано на растопку, она видела, как сгорают в огне яркие иллюстрации, и понимала, что вместе с ними сгорают ее планы на

будущее. От цветных надежд остался лишь белый пепел ранней седины в волосах. Никто не мог упрекнуть ее в том, что она, покоровшись доле, плохо выполняет обязанности матери или жены. Семья держалась на ней, и ее голос по заслугам первенствовал во всем. Но теперь в доме подрастал новый хозяин. Добытчик, но добытчик строптивый. Никто на свете не был ему указом. И вот уже младший сын иногда осмеливался перечить матери: «А вот Риордан сказал так, Риордан сказал эдак».

В результате холод отчуждения заморозил теплоту между матерью и первенцем. Вот так люди в повседневных заботах не находят времени и слов, чтобы объясниться, выразить друг другу свои чувства. И теперь рекрут Риордан шагал за односельчанами в первый свой военный поход, в полной уверенности в том, что его решение было правильным. От него нужны только деньги или добыча, которую можно превратить в деньги? Отлично, деньги они получили. Жалко было только младшего брата. Единственного по-настоящему родного человека. Так считал Риордан и, конечно, ошибался. Но замкнутость и привычка соизмерять слова с возможностью насмешек научила его думать, пусть и не всегда в верном направлении. Он пытался анализировать происходящее вокруг и часто мог предсказать, что случится дальше. А когда угадывал, то удивлялся, почему так не делают остальные... Если сейчас заглянуть в его мысли, то там обнаружится несколько цепочек, прообразов тех комбинаций, которые сделают в будущем из Риордана того человека, каким будет знать его весь Овергор.

«Пар над кашей струится вверх, значит, половина дня у нас есть. Ишь, как вьется Тиллиер вокруг солдата. Господин роканд, господин роканд... Если он продолжит задираться, придется ответить. Иначе все решат, что смеяться надо мной можно. Хоракт – нормальный парень, только не любит свар, он будет держаться в стороне. Хоть бы Виннигара не назначили старшим над нами. Тогда мне конец. На капрала нечего надеяться. Он станет наблюдать. Кто выдержит, тот молодец. Слабаки ему без надобности, так он сказал. Нужно обзавестись товарищами, одному мне придется тяжело. Но кто станет водить дружбу с таким образиной? Скоро Вейнринг скроется за холмом. Стогнар, прощай. Увидимся ли мы когда-нибудь? Стоп, кто там скачет?»

Риордан вытянул руку:

– Всадник!

– Сейчас кто-то получит, – осклабился Тиллиер.

– А я ни к кому и не обращался! – огрызнулся Риордан.

– Заткнулись оба, – рявкнул капрал. – Об изменениях обстановки можно докладывать без этикета. Давайте отойдем на обочину. Несется, как ненормальный.

Лошадь мчалась во весь опор, из-под копыт в разные стороны летели ошметки грязи. На расстоянии пяти шагов конный резко осадил скакуна, да так, что едва не перелетел через холку. Это был Дертин. Сын кузнеца спешил и, держа под уздцы лошадь, подошел к Скиндару. На подбородке Дертина алела свежая ссадина, одно ухо превышало по размеру другое и имело выраженный малиновый окрас.

– Чего тебе, парень?

– Я хочу отправиться с вами!

– Твои родные сказали свое слово. Договор не подписан, а это значит, что королю Вертрону придется обойтись без тебя.

– Вот.

Дертин протянул капралу смятый пергамент. Очевидно, скомканный, но потом старательно разглаженный. Скиндар бросил на него взгляд и хмыкнул.

– Занятно. И как тебе удалось это повернуть?

– У меня через три месяца день рождения. Я стану совершеннолетним и смогу сам распоряжаться собственной судьбой. Я сказал им, что все равно завербуюсь в солдаты, но только денег короля они уже не получают. Отец все одно не захотел подписывать. Мать с сестрой его уговорили. Но он пообещал лишить меня наследства. Ну и пусть. Есть сестра и два младших брата. Им больше достанется.

Капрал задумчиво покачал головой.

– Не часто приходится встретить человека, который так торопится на тот свет. И это все из-за девки, которой надоело месить пятками навоз в деревне. Что же, подобная настойчивость заслуживает признания. Ты зачислен в рекруты. Вознаграждение короля отправим твоим родичам из столицы с оказией.

Дертин помялся.

– Господин капрал, им оно уже выплачено.

– Вот как?

– У меня были сбережения. На свадьбу Вот расписка.

– Хм. Хорошо. Я верну тебе деньги в Овергоре. Отцовское наставление, судя по разукрашенной физиономии, ты тоже получил. Становись в строй. Виннигар растолкует тебе правила этикета. Как быть с лошадьё?

– Она знает дорогу домой.

Дертин похлопал своего скакуна по роговым пластинам на морде. Лошадь благодарно лизнула его ладонь раздвоенным синим языком.

– Давай! Беги в конюшню! Там жратва, как ты любишь – кишки с отрубями. Беги!

Скакун обиженно мигнул кожистыми веками, развернулся и медленно побрел обратно по дороге.

Далеко в поле были видны фигурки крестьян, возделывавших землю. Совсем невысоко над дорогой, распластав прозрачные крылья, парил стеклянный гриф, высматривая добычу в колючей траве.

– Так, молокососы, прибавим шаг, – прикрикнул Виннигар. – Пару хуторов мы минуем стороной, поэтому нужно поторапливаться. Горячего обеда у нас не будет, зато сегодня вас ждет первый ужин за счет казны в Гроендаге.

Новобранцы закинули на плечи свои торбы и, молодецкато вышагивая, потопали за рокандом. Скиндар шел сбоку от их маленькой колонны, поглядывая на

рекрутов. На лице Тиллиера застыла шальная улыбка, словно парень размечтался о грядущих приключениях. Капрал невольно вздохнул. Только богиня воинов Скельда знает, доведется ли им пережить следующий год. Время Овергора таяло, как снега на склонах Тиверийского хребта по весне. То, что следующая кампания будет жестокой и кровопролитной, Скиндар не сомневался. Через несколько месяцев Овергор наводнят шпионы и разведчики из других королевств, стараясь выведать все об их поединщиках, – излюбленные финты, тактические приемы Мастера войны, варианты ротации боевой десятки. Придет время подкупов и предательства, время визира Накнийра. Будут допросы, слежка, кого-то обязательно удавят церемониальным шарфом душителя. Таково уж ремесло первого министра – быть главным советчиком монарху, а если понадобится, то и его личным палачом. И Накнийр вполне справлялся со своей работой, это признавали даже его недоброжелатели, из коих состоял почти весь королевский двор. Визир не владел толком холодным оружием, но мало кто мог с ним сравниться в ситуации, когда в ход шли голые руки, тем более что нападал он всегда внезапно. Поэтому в его присутствии вельможи были напряжены и старались держаться поодаль. Кто знает, не будет ли его вечная сардоническая улыбка последним, что доведется им видеть в нашем поднебесном мире?

Физиономия юнца Хоракта выражала тревогу, парень определенно начал сомневаться в своем решении. Это ничего. Страх может быть прекрасным советчиком, если его правильно использовать. Главное, чтобы он не вздумал дать деру. Теперь уже поздно, теперь на контракте стоят подписи, и отныне жизнь его принадлежит Скельде, Вертрону и Мастеру войны королевства Овергор.

Губы Дертина шевелились. Здоровяк то ли спорил с кем-то мысленно, то ли подсчитывал барыши, которые сулит ему служба. Скиндар почесал переносицу. Надо будет попробовать его в обращении с боевым молотом. Ба! Да он уже кузнец! Значит, решено. Боевой молот Спарка – очень тяжелое оружие, не каждый солдат сможет размахивать им так, чтобы остановить противника-меченосца. Но если у молотобойца появляется шанс на пару хороших ударов, то врагам остается только одно – оттащить своего поединщика за ноги в сторону. Капрал не однажды видел воинов, обезображенных Спарком. Обычно их хоронили в закрытых гробах.

Уродливая рожа Риордана выражала... ничего. Разве что настороженность, потому что юнец постоянно рыскал взглядом по сторонам.

«Этот еще продолжает охотиться, – усмехнулся про себя капрал. – Не скоро в следующий раз тебе предстоит услышать рычание синего барса». Но пора было немного разрядить сгустившиеся напряжение, и неуклюжая фигура Риордана сгодились.

– Эй, новобранец! – окрикнул его капрал. – Если ты так вертишься в поисках сортира, по привал будет через полчаса, так что придется потерпеть.

Тиллиер загоготал, остальные присоединились насмешливыми ухмылками.

– Осмелюсь беспокоить, господин капрал, но не нравится мне эта туча, – Риордан ткнул пальцем в направлении горы Унгорн.

Как столичный житель Стогнар не смыслил ничего в предсказании погоды.

– Поглядите на него – туча ему не нравится. А мне не нравится твой нос, подбородок и все остальное вкуче. Небо ясное. Чего переживать понапрасну?

Риордан вновь поднял палец, предварительно его послынявив.

– Ветер в нашу сторону и быстро свежеет. Посмотрите вокруг. Вы видите хоть одну сумчатую крысу?

Обычно эти зверьки живыми столбиками сопровождали проезжающих по дороге путников, чтобы вовремя предупредить копошащихся в траве родичей об опасности.

– Ты забыл прибавить «господин капрал», образина! – зло выкрикнул Виннигар.

Тиллиер хотел было встрять насчет того, что Риордан докладывал об изменении обстановки, а стало быть, мог пренебречь правилами этикета, капрал же предупреждал об этом, но потом решил, что новобранца украшает скромность, и промолчал.

– Господин капрал, – послушно повторил Риордан, не спуская со Скиндара немигающего взгляда.

– Зачем мне твои грызуны? Ну, ладно, не вижу И что с того?

– Осмелюсь доложить, господин капрал, – торопливо заговорил Хоракт. – Но сумчатые крысы первыми чувствуют приближение непогоды. Они прячутся и тщательно заделывают свои норы, чтобы их не затопило водой. Если ни одной не видно, значит, дело плохо.

Скиндар отметил, что лица всех остальных новобранцев теперь выражали тревогу и озабоченность. А Виннигар, который за последние несколько лет почти не покидал Овергор, даже ухом не вел. «Совсем отупел от муштры и тренировок, – с неудовольствием подумал капрал. – Пропадешь с таким олухом в чистом поле». Но не пристало представителю короны вот так сразу пасовать перед какой-то одинокой тучей.

– Ваши крестьяне до сих пор работают, – сказал он вслух и осекся, потому что согнутые человеческие фигурки уже не маячили в поле, а потянулись в направлении Вейнринга.

Про Скиндара всегда говорили, что он держит нос по ветру. Пусть это касалось не погоды, а дворцовых интриг, но решения он принимал быстро.

– Ладно, – буркнул он. – Что нам грозит? Всем, кроме охотника, захлопнуть пасти.

– Дождь – ерунда, но, похоже, будет гроза с сильным ветром. Вместе с грозой приходят молнии. Обычные молнии тоже не беда. Если гроза застала в степи, достаточно лечь на землю и перетерпеть дождь. Но в такое время года случаются грозы с бесноватыми молниями, как мы их называем в деревне. Это круглые шары, которые сильно гудят и так трещат, что уши закладывает. Ветер гоняет их туда-сюда. Живое тело притягивает бесноватых, так что желательно укрыться за препятствиями. Например, построить шалаш из веток и спрятаться внутри, – Риордан запнулся и добавил: – Господин капрал.

– Тот еще советчик, – едко бросил Скиндар. – Какие ветки? Мы идем через степь.

– Если прибавим шагу, то справа скоро будет лощина, – пояснил Риордан. – Там растут деревья.

– Или можем вернуться в Вейнринг, господин капрал, – осторожно предложил Хоракт.

Скиндар вздохнул. Если его мундир промокнет и полиняет, то за починку королевский швец сдерет с него полтора десятка рейсов. А новый стоит в пять раз дороже. Но возвращаться в Вейнринг было как-то стыдно. Солдаты Овергора испугались грозы. Он отер внезапно вспотевший лоб.

– Так. Вы несетесь к этой роще словно тушканчики. Оборудуете там укрытие. Выставите часового, чтобы я заметил, куда вы свернули. Виннигар, командуй.

Новобранцы и роканд рванули так, как того требовало чувство самосохранения и приказ командира. А Скиндар по-прежнему шагал размеренной поступью, и темп его ходьбы диктовался положением солидного человека и одышкой. Через четверть часа стремительно похолодало, резкий дерганый ветер закручивал травы в узлы, и стало темно, как в сумерках. Природа ясно намекала на грядущие неприятности. Но несмотря на надвигающуюся бурю, капрал всерьез подумывал о привале. Он все это время почти что бежал по дороге, из его горла теперь вылетали хриплые звуки, а легкие готовы были лопнуть. Наконец местность справа пошла под уклон, и там, внизу, замаячили темно-зеленые кроны деревьев. А между рощей и дорогой торчала одинокая фигура Хоракта. Он отчаянно махал рукой.

– Господин капрал, осмелюсь побеспокоить, но нам нужно торопиться, – затараторил он, едва Скиндар подошел ближе. – Гроза начнется совсем скоро. Давайте я понесу ваш мешок.

– Держи, – просипел капрал. – Вы соорудили убежище?

– Не знаю. Меня оставили тут, встречать вас, господин капрал.

Когда они ступили под сень древесных крон, по ветвям застучали первые капли дождя. Неожиданно куст, мимо которого проходил капрал, вспыхнул фиолетовым и ярко осветился изнутри. Сам куст мало напоминал растение. Скорее, он походил на человеческий глаз, который вырвали из глазницы и посадили в землю на тонких стебельках нервов и волокон. Его воздушные корни крепко держались за почву, а на высоте человеческого роста сначала соединялись в тугий канат, а потом вновь расходились, превращаясь в подобие

кровеносных сосудов, которыми был оплетен полупрозрачный растительный купол.

- Мы зовем их пузырьчатками, - пояснил Хоракт, увидев, что его спутник шарахнулся от куста. - Под оболочкой у них находится газ, который светится в темноте. Можно было бы сажать такие в деревне, но газ здорово воняет, а они обильно выделяют его после дождя. Так что едва гроза закончится, надо будет сматываться отсюда.

- Что это за место? - почти прошептал Скиндар.

- Роща нетопырей, господин капрал, - ответил Хоракт, оглядываясь по сторонам. - Куда они делись?

- Только нетопырей нам не хватало, - буркнул Скиндар.

- Я про наших парней. А нетопыри забились в норы. Они прогрызают их в стволах схиний.

- Какие еще схинии? - с этими словами Скиндар запнулся о невидимый в темноте корень и едва не растянулся во весь рост.

Пытаясь сохранить равновесие, он схватился за какойто сучок и тут же вскрикнул от боли, потому что напоролся ладонью на острые шипы.

- Проклятье! - рявкнул он, осматривая руку - Судя по такой прелестной роще, эта дрянь еще и ядовита?

Хоракт помотал головой.

- Наоборот, господин капрал. Лекарки собирают эти шипы, потом перетирают и готовят из них средство от горячки и мигрени. Вы спрашивали про схинию, господин капрал. Так вот это как раз она и есть.

Даже в полумраке Скиндар рассмотрел, что находится рядом с древесным стволом необъятной ширины. Молния белой трещиной расколола небосвод, и почти разу же грянул оглушительный гром. Едва его раскаты утихли, как сверху

раздался голос:

– Хоракт! Да где вас носит? Ой, простите, господин капрал, – это Тиллиер высунулся из листвы дерева и протягивал вниз ладонь. – Сами вы не взберетесь, кора очень скользкая. Там есть две толстые ветви, вставайте на них, они крепкие, а дальше хватайтесь за руку. Осторожней, они все в шипах.

– Уже знаю, – буркнул Скиндар. – Что-то воняет, что-то колет, остальное скользкое, а еще есть молнии, которые норовят тебя прикончить. Ты не удержишь меня, парень.

– Я – нет, но меня страхуют Дертин и Виннигар.

– Тогда другое дело, – Скиндар ухватился за протянутые руки и, сбивая себе колени о кору, забрался в укрытие.

Через мгновение туда снизу был заброшен его мешок, а следом появилась кудрявая голова Хоракта.

– Схинии у нас в деревне называют бутонным деревом, – на правах гида, пояснил он столичным гостям.

И было за что. На высоте примерно восьми локтей от земли толстый ствол дерева превращался в широкую площадку, окаймленную огромными темными листьями. Сейчас они были сведены, словно нераспустившийся бутон цветка. В одном из этих исполинских листьев ножом был прорезан вход, через который и забрался Скиндар.

– Уютное местечко, – клацая зубами от холода, заметил капрал.

– Мы срастили лианы и обвязали ими снаружи цветок или как его там, – доложил Виннигар. – Чтобы ветер и дождь меньше проникали сюда, господин капрал.

Окончание его фразы почти полностью заглушил очередной громовой залп. Не успели путники перевести дух, как со зловещим шипением вновь сверкнула молния.

– Скоро начнется, – прошептал Тиллиер.

– Эй, новобранцы! А ну, давайте, развязывайте свои котомки, – предложил Виннигар. – Мамки и тетки наверняка напихали вам туда пирожков с ливером на дорогу. По крайней мере, вымокнем на полный желудок. А тот, кто догадался запастись флягой с добрым первачом, вообще заслужит мою отдельную признательность.

Хоракт и Тиллиер с готовностью завозились, распутывая тесемки дорожных мешков, а Риордан со смущением поглядел на свой тощий узелок. Дертин пихнул в центр круга свой увесистый баул:

– Не спешите, парни. У меня тут полно жратвы, на всех хватит. И вино домашнее имеется.

Здоровяк ослабил узел на горловине мешка.

– Вот пироги, вот сало, уже нарезанное, целая головка сыра. Угощайтесь, господин капрал. И господин Виннигар тоже!

– Как твои пальцы? – спросил Скиндар, запуская руку в котомку Дертина. – Не похоже, чтобы тебя они сильно беспокоили. Сначала ты скакал на лошади и сжимал ими поводья, а теперь ловко управляешься с веревкой.

– Тоже удивляюсь, – буркнул Виннигар. – Вчера я готов был поклясться, что наутро он и задницу сам себе подтереть не сможет.

– Такова уж моя природа, – охотно пояснил Дертин. – Любая боль мне нипочем. Отец часто дразнит меня истуканом каменным. Пару лет назад мне на ногу свалилась наша маленькая наковальня. Пока сапог не намок от крови, я не понимал, что вся стопа у меня раздроблена. Да и после лежал в постели не больше пары дней, а потом понемногу начал помогать по хозяйству.

– Необычно высокий болевой порог, – со значением сказал роканд, пристально глядя на капрала.

– Скорее отсутствие оного, – тихо промолвил Скиндар. – Врач смотрел тебя?

– Да, вскоре после происшествия с наковальней. Ничего такого не нашел. В остальном я обычный человек, господин капрал. Только терпеливый насчет боли, да и заживает на мне все, как на клыкастой свинье.

– Это ценное свойство для солдата, – отозвался Скиндар, продолжая размышлять о чем-то. – Твоя природа может здорово пригодиться Овергору.

Что-то недоброе крылось в последней фразе капрала, но молодой кузнец не обратил на нее внимания. На его лице застыла блаженная улыбка, он опять вспомнил про свою Наббию. До чего же ядреная девка его невеста! Ярко-рыжий сноп волос, налитой груди тесно под сарафаном, все лицо усыпано солнечными искорками-веснушками, а кожа белая-белая, словно сбрызнута молоком. Взгляд с хитринкой, но пронизывающий до самых поджилок, будто смотрит она и прикидывает с сомнением: а как ты себя покажешь, мой суженый? Не подведешь ли? Даже удивительно, что она приняла его ухаживания, столько видных и знатных по местным меркам женихов за ней увивались. А родня всегда считала его увальнем и простофилей! Не в глаза, конечно, но Дертин чувствовал пренебрежительное отношение к себе. Уже несколько лет, как он перегнал отца по работе. «Да, махать молотом ты горазд!» – приговаривал иногда родитель, щурясь чуть презрительно. Словно кроме тяжелого труда Дертин ни на что не способен. Как-то само собой было решено – старший отпрыск станет опорой для всей семьи даже после женитьбы. Им уже заранее отвели флигель в общем доме. И никакого намека на собственное хозяйство. Даже заговаривать об этом не смей! Главное, чтобы жена досталась с рассудком, а ему предначертано от зари до сумерек ломать спину за наковальней и горном, раз уродился таким здоровым. К нему так и льнет весь домашний скот, лошади слушаются каждого слова, но что с того? Он добр от того, что простодушен, вот и чувствует это животное, а потому не ждет от него подвоха. Нет, родные не хотели от Дертина никаких свершений. Но он всем показал свой характер! Увалень? Ни на что, кроме кузни не годится? Ха-ха. Он будет жить в столице на широкую ногу с красавицей женой и скоро забудет, как по утрам несет свежим навозом из хлева. Дертин с хрустом разжевал ломоть сала и запил его терпким вином. Неизвестно, сколько продлится этот ливень. Капрал сказал, что ночуем в Гроендаге, но получится ли до него добраться? Дорогу наверняка развезет, так что идти придется по щиколотку в липкой грязи. Эх, кончилась бы побыстрее гроза! Тогда к вечеру они наверняка добредут до Гроендага. А значит, появится шанс сегодня свидеться с Наббией, рассказать ей про солдатский смотр и потолковать о будущем. Где-нибудь на сеновале. Раз теперь свадьба у них будет в самом Овергоре, может поддаться девка. Он теперь солдат, а солдат следует ублажать, так он ей и заявит!

Едва они завершили трапезу, как боги проявили свою силу в полную мощь. Через несколько минут все почти ослепли и оглохли от небесной какофонии. Казалось, что молнии метили прямо в рощу. Дождь наотмашь хлестал по листьям схинии, а ветер заставлял их ходить ходуном. Снаружи их убежища словно собрались неведомые твари и завывали сотнею жутких голосов. Потом вдруг все прекратилось, и установилась звенящая тишина.

– Веселенькое представление, – усмехнулся Скиндар. – Даже жаль, что оно закончилось.

– Судя по тишине, мы находимся в Оке бури, – заметил Риордан. – Самое опасное время, господин капрал.

– А что-нибудь хорошее у вас тут, в предгорьях, бывает? – с досадой в голосе поинтересовался Скиндар.

Вдруг Риордан схватил его за руку. В другое время он получил бы как минимум затрещину за вольность, но теперь капрал и сам, сквозь промежутки между листьями, увидел это. С возрастающим гудением к схинии по воздуху медленно плыл ослепительно огненный шар. Он был размером чуть больше головы человека, но вызывал ужас, а его медленное и неотвратимое скольжение было приближением гибели. Все, кто находился внутри бутона, замерли и затаили дыхание. Шар поравнялся с деревом, на несколько мгновений завис в воздухе, а потом гудение начало отдаляться и, наконец, утихло совсем.

– Бесноватая, – благоговейно прошептал Тиллиер.

– Нет, то было еще не жутко, – едва шевеля губами, пробормотал Скиндар. – А вот это уже по-настоящему страшно. Как вы тут выживаете, в своем Вейнринге?

– Они приходят только раз в год, осенью, – пояснил Хоракт. – И все в деревне научились от них прятаться.

– Внимание! Еще одна, – предупредил Риордан.

С той же стороны, откуда приплыл первый шар, послышалось уже знакомое гудение. Следующая бесноватая была большей по размеру, чем первая, и

двигалась значительно быстрее. Она выписывала в воздухе зигзаги, а когда задевала ветви, раздавался сильный треск и в разные стороны сыпались искры. Едва шар приблизился к схинии, в которой скрывались путники, он, как и предыдущий, сначала замедлился, а затем остановился совсем. И вдруг качнулся прямо к входу в убежище.

– Она нас чует! – вскрикнул Тиллиер.

– Молчи, идиот, – прошипел Дертин.

Все подались назад к противоположной живой стене. Бесноватая несколько раз медленно повернулась вокруг своей оси, словно раздумывала, куда податься, а потом вновь поплыла по направлению к людям. Какой-то предмет пролетел в древесном сумраке через убежище и угодил в шар, который теперь почти закрывал собой вход. Раздался грохот, яркая вспышка ослепила путников и жар опалил им лица. Когда их глаза вновь обрели способность различать предметы, они увидели, что половину бутона разворотило взрывом, а его огромные листья теперь висели обугленными ошметками.

– Что это было? – прохрипел капрал. – Чем швырнули в шар и какой болван это сделал?

– Это я, господин капрал, – отозвался Дертин. – Я кинул в него ботинком. Иначе могло плохо закончиться.

– Ничего себе! Мы прикончили бесноватую! Вот это да! – закричал Тиллиер. – Говорят, что она оставляет после разрыва драгоценные камни. Надо будет поискать в траве.

– Все целы? – спросил Скиндар.

Со стороны Риордана послышалось сдавленное мычание и зубовой скрежет от сдерживаемой изо всех сил боли.

– Меня зацепило, – невнятно сказал он.

– Огниво! Огонь! Живо! – потребовал капрал.

Виннигар вытащил огниво из походного ранца, высек кресалом целый сноп искр и подпалил трут. Скиндар пошарил в своей торбе. Под руку попала тонкая пачка гербовой бумаги, но капрал не стал ее доставать – каждый свиток был пронумерован в королевской канцелярии и подлежал строгому учету. Наконец он нащупал свой шелковый носовой платок, романтический подарок одной модистки, и решительно выдернул его наружу.

– Жги, – приказал он Виннигару. – Если эта тряпка по характеру хоть чуть-чуть похожа на свою бывшую хозяйку, то гореть должна отменно.

Когда пламя осветило лицо Риордана, все увидели, какую беду сотворила с ним молния. Лицо рекрута было обезображено. На его левой щеке зияла круглая дыра, в которую можно было при желании просунуть два пальца, кожа и мясо на краях раны спеклись в черную корку, также была полностью сожжена мочка левого уха.

– Ой! Да у тебя зубы снаружи видно, – брякнул некстати Тиллиер.

– Для жизни не опасно, а на войне бывает и похуже, – неуклюже попытался ободрить рекрута Виннигар.

– Извини, приятель, – сокрушенно сказал Дертин. – Не хотел я...

Из глаз Риордана брызнули слезы.

– Ты правильно все сделал, – промычал он. – Просто не повезло.

«Пацан. Слегка огрубевший, но всего лишь пацан», – с сочувствием подумал Скиндар, а вслух сказал:

– Эти ваши пузыри с газом сейчас начнут вонять, верно? И мы можем задохнуться?

– Нам нужно сматываться отсюда, – подтвердил Хоракт.

– Хорошо, тогда слезаем с этой, как ее, схинии, и двигаем прямехонько в Гроендаг к тамошним лекарям. Дневной переход придется совершить в двойном

темпе.

– Я смогу дойти, – вскинулся Риордан.

Никто и не подумал указать ему на то, что он забыл добавить «господин капрал».

– Сейчас не время проявлять геройство, парень, – Скиндар отрицательно покачал головой. – Прибереги его до Парапета Доблести. Ну! Собрали пожитки! Первым спускается Виннигар, Тиллиер за ним, а после мы поможем Риордану.

Скользя по размытой дождем почве, проваливаясь в лужи, спотыкаясь о корни и лианы, они продрались сквозь переплетение стволов и сучьев к опушке рощи, после чего тут же сделали привал, потому что Дертину пришлось выковыривать шипы и занозы из своей босой ступни. Даже тут, на свежем воздухе ощутимо воняло сгнившими овощами и еще чем-то приторно сладким, а там, внутри, Скиндар боялся, как бы не потерять сознание от одуряющих газов, которые источали пузырьчатки. Он тоскливо оглядел свой парадный мундир, теперь превратившийся в балахон шута, который к тому же несколько дней спал в придорожной канаве.

– Много раз я водил рекрутские команды, но такого не припомню, – мрачно признался капрал. – Один с синяком на скуле, второй с разбитыми кулаками и к тому же босой, третий с надорванным животом, а про четвертого и говорить нечего. Отменный набор, скажу я вам.

Новобранцы виновато промолчали, а Виннигар понимающе ухмыльнулся. Роканд знал, что по прибытии в Овергор пополнение немедленно выстроят перед Мастером войны Биккартом, чтобы тот оценил, насколько хорошо Скиндар потратил королевские денежки. Капрал прикидывал, какой в этот раз будет вердикт Биккарта, и заранее его опасался.

– Ты закончил со своей подошвой? – спросил Скиндар у Дертина.

– Да, господин капрал.

– Тогда подъем. До Гроендага несколько часов ходьбы, дорогу наверняка размыло ручьями, так что путь будет веселеньким. Вперед, ребята. Эй, кто-нибудь, возьмите у Риордана его мешок.

Это был не просто приказ, а проверка. Виннигар понимал тайный смысл распоряжения капрала, и с его языка готов был сорваться уничижительный комментарий, но роканд умолк, не сказав ни слова, потому что к пострадавшему потянулось сразу три руки.

– Я справлюсь, господин капрал, – простонал Риордан.

– Кого интересует твое мнение? Командир отдал приказ. Выполнять!

На пути к Гроендагу все старались как-то помочь пострадавшему, маскируя заботу грубоватыми шутками. Дертин подставлял свою могучую руку, когда Риордан переходил ручьи и лужи, Хоракт подсказывал, куда наступить, а Тиллиер и вовсе тащил его мешок. Наблюдая за рекрутами с повеселевшим лицом, Скиндар думал: «А может, что и получится. Ребята, похоже, стоящие». Риордан же, хоть и испытывал неловкость от этих дружеских проявлений, сквозь ноющую боль прислушивался к новым чувствам внутри себя. Не избалованный любовью близких, он вдруг понял, что теперь все по-другому. Эти, окружающие его и еще вчера чужие люди теперь и есть его новая семья. Задира Тиллиер, хитрован Хоракт и немногословный Дертин, который себе на уме. Он, в свою очередь, сам начал относиться к ним иначе. Теперь даже Тиллиер не вызывал у него раздражения. Риордан не понимал, что в маленькой группе все чувства жестче, эмоции обострены, но перед общей проблемой все сразу становится неважным. Совместно пережитый страх и его ранение сплотили их и привязали друг к другу, как час назад они обвязывали лианами листья схинии.

Когда показались первые поля Гроендага, их ноги ниже колен были полностью залеплены грязью. Штаны, верхняя одежда тоже представляли собой печальное зрелище. Грязь была даже на лицах.

– Почему корона до сих пор не вымостила вам дороги? – в сердцах воскликнул Скиндар. – Это же невозможное дело – ковылять в такой жижке. Я бывал в Вейнринге пару раз, но никогда не попадал под ливень. Как только доберемся до Овергора, клянусь, я дойду до самого графа Танлегера! И подам прошение.

– А она и вымощена, господин капрал. Щебнем. Не будь его, мы бы увязали по колению, – отозвался Дертин. – Осенью наша дорога особенно плоха, потому что ее ремонтируют только зимой, когда все подмерзает. Вейнринг – небольшая деревня, до нее никому нет дела. Вот от Гроендага в столицу проложен настоящий шлях. Да вы и сами это знаете.

Капрал взглянул на Риордана:

– Как ты, парень? Нет, не отвечай, просто кивни, если можешь идти.

Риордан послушно кивнул, тяжело переставляя ноги.

– Скажите мне, горцы, когда в человека попадает такая круглая молния, это что-то означает по вашим обычаям? – спросил Скиндар. – У вас наверняка предусмотрен подобный случай.

Хоракт шмыгнув носом, скосил глаза на Риордана, а потом осторожно ответил:

– Ну, вообще-то после такого редко выживают, господин капрал. Но считается, раз бесноватая отметила человека, то она передала ему часть своей мощи. И он вроде как тоже становится бесноватым.

Риордан вздохнул, но его вздох больше напоминал стон.

– Не унывай, парень, – осклабился Скиндар. – Для солдата красота лица не имеет значения. Через год многие новобранцы будут иметь отметины на рожах. Это в лучшем случае. А вот легенду и боевое прозвище ты заимел знатное. Бесноватый Риордан! Такое не купишь ни за какие деньги. Тем более что заработал ты его заслуженно, заплатив собственной шкурой. Причем наименее ценными для воина ее частями.

Они взобрались на холм, и с него открылся вид на добрую половину Гроендага. Сотни домов, среди которых попадались строения и в три этажа, располагались правильными кварталами, группируясь вокруг невысокой каменной цитадели. Именно она когда-то и дала название поселку. «Даг» – означало укрепление, а «гроен» – пограничный. Во времена их прадедов это селение было сторожевым кордоном королевства, но теперь превратилось в небольшой город. Возможно,

такая судьба будет уготована и Вейнрингу, к которому ныне перешла роль западного форпоста Овергора. Только в нем не возводили цитадель, потому что защищаться нужно было не от врагов, а от хищников и переменчивой погоды предгорий. Роль укрепления с успехом исполнял первый ряд домов, расположенных кругом. Об этом говорило и название деревни, где «ринг» – это круг, а «вейн» означало – прочный. Жители Прочного круга имели репутацию людей жестких, замкнутых и недоверчивых. Уроженцы Гроендага, напротив, славились открытостью, гостеприимством и справедливостью. Они охотно вербовались в армию, даже составляли когда-то ее костяк и гибли за интересы королевства. Кроме того, лучшие знахари Овергора происходили из Гроендага. Да что лучшие – все! Потому что именно в бывшей цитадели теперь располагалась Лекарская школа, где можно было пройти обучение всем врачебным профессиям, от травника до костоправа, и получить патент на работу.

Рекруты спускались с бугра, бросая взгляды на город. Чем ближе к центру, тем респектабельней становились дома, виднелись витые башенки и живописные палисадники. А на окраинах путники различали длинные бараки ферм, окруженные загонами разных форм и размеров. Тиллиер, который уже некоторое время шел рядом с Виннигаром и перебрасывался с рокандом фразами, чуть приотстал и, поравнявшись с односельчанами, заговорил быстро и вполголоса:

– Скверные наши дела. Если останемся в Гроендаге на ночь, лучше вечером по улицам не шляться.

– Это еще почему? – нахмурился Дертин.

– Нам вряд ли тут обрадуются.

– Болтаешь чепуху, как обычно, – отмахнулся здоровяк. – Гроендагцы всегда хорошо относились к приезжим. Сам сто раз бывал тут с отцом на заказах, и всегда пиво лилось рекой.

– Я тоже возил сюда муку и никогда не нарывался на неприятности, – заметил Хоракт.

– Ага, но тогда вы не были солдатами.

– Мы и сейчас еще не солдаты, – буркнул Дертин. – Но даже если и так? Армии Овергора везде почет.

Риордан, хоть и не участвовал в беседе, но подошел поближе и наклонил голову, чтобы лучше слышать.

– Но не теперь и не в Гроендаге, – раздраженно ответил Тиллиер. – Вот послушайте. Последняя война у нас была с Хаймером. Так?

– Ну, – неохотно согласился Дертин. – Проклятье!

Кузнец запрыгал на обутой ноге, потом схватился за босую, счистил ладонью целый пласт глины и осмотрел ступню.

– Ерунда, – пояснил он на вопрошающие взгляды остальных путников. – На острый камень наступил. Ну, чего там с Хаймерской войной? – спросил он Тиллиера, понизив голос.

– А то, что от нас там сражалась десятка, вся из Гроендага. Настоящие герои, всеобщие любимцы, крутые бойцы. Им сошло даже то, что на Парапете Доблести они проорали боевой клич «Гроендаг» вместо «Овергора». Вернее, может быть, и не сошло бы, но об этом мы не узнаем, потому что их расколошматили вчистую. Вместе с Мастером войны, между прочим, тоже местным. Два его предшественника также были отсюда. Смекаете уже? Нет? На место погибшего Мастера войны из Гроендага назначили Биккарта, бывшего каменотеса из Венбада. Ну, ладно – назначили и назначили, скажете вы. Но Биккарт отправил рекрутскую команду в обход Гроендага к нам в забытый богами Вейнринг. А вот это уже обида. Уверен, что Скиндар с превеликим удовольствием обогнул бы город стороной, но бесноватая попала в Риордана, и теперь мы лишены выбора. Нет, ну вот поглядите на него! Слушай, ты чего какой обидчивый? Я же не в упрек, понятно, что ты не сам к ней руки протянул. Но в любом случае рассчитывать на теплый прием нам здесь не приходится.

– Это тебе Виннигар рассказал? – поинтересовался Хоракт.

– А кто же еще?

– И с чего он стал таким добреньким? Про Виннигара ходят слухи, что он злой, как клыкастая свинья, мстительный и завистливый. А тут разоткровенничался ни с того ни с сего, – усомнился кузнец.

– Вообще-то было с чего, – хихикнул Тиллиер. – Я, когда мы спустились со схинии, все-таки пошарил в траве и нашел маленький желтый смарагд. Наследство бесноватой.

– Ты балбес! – фыркнул Хоракт. – Отдал роканду драгоценность в обмен на ненужные сведения. А она, наверное, стоит целое состояние.

– Ни шиша она не стоит, – ответил Тиллиер. – Иначе бы окрестности Вейнринга были усыпаны драгоценными камнями, а все крестьяне ездили бы в каретах. Этот камень через неделю рассыплется в песок, он нестойкий. Но его можно по-быстрому обменять на кусочек женских прелестей. За смарагд каждая девка готова задрать подол, даже дочка бурмистра.

Дертин задумчиво почесал затылок. Смарагда ему будет сегодня не хватать. Хоракт засмеялся, прикрывая рот рукой.

– Так это не слухи? Ты испортил его ненаглядную дочурку? Ха-ха. Теперь понятно, почему тебе до зарезу нужно было завербоваться в армию. Этот старый боров сживет тебя со свету, когда докопается до истины. А я все в толк не мог взять, чего ты забыл в нашей компании? Вот ведь ухасть!

Тиллиер нарочито закатил глаза:

– Я ничтожный раб сильных чувств. Ничего не могу с собой поделать.

Глава 3

Высокая оценка

Через сотню шагов размытая дождем дорога уперлась в широкий тракт, мощный диким камнем. Его верхние грани были тщательно отшлифованы и

искусно подогнаны друг к другу, а сбоку от кладки прорыт глубокий кювет, который ограждался бордюром высотой до колен, чтобы на проезжую часть меньше попадала грязь и всякий растительный мусор. Чуть в стороне от перекрестка из земли торчал огромный валун с выбитой надписью:

«Добро пожаловать в славный город Гроендаг!

Мы рады всем гостям, а тех, кто оскорбит горожанина, хороним за счет управы».

Каждый из рекрутов не в первый раз видел этот булыжник, но Тиллиер все равно не удержался:

– Господин роканд, разрешите побеспокоить. А как именно нужно обхаять жителя Гроендага, чтобы тебя закопали честь по чести?

Виннигар совсем не разъярился, как можно было ожидать, а ответил с ухмылкой:

– Для тебя будет достаточно просто открыть рот – и дело сделано.

– А ну, стой! – рыкнул Скиндар.

Капрал обошел их маленькую колонну и встал спереди, грозно уткнув кулаки в бока.

– Так. Всем почистить одежду и обувь, насколько это возможно. Мы вступаем в населенный пункт. И, кстати, насчет открытых ртов. Во время пребывания в Гроендаге из ваших поганых пастей должно вылетать только два слова: «здравствуйте» и «спасибо». Тот, кто позволит себе большее, по прибытии в Овергор отведает десять палок от экзекутора. Ясно?

– Ясно, господин капрал, – нестройно пробубнили рекруты.

– Виннигар! Дай Риордану носовой платок, чтобы тот прикрыл им свою щеку, – бросил Скиндар, чем сильно подпортил роканду хорошее настроение.

Тот даже не дал, а швырнул в направлении новобранца вышитый узором оранжевый платочек. Риордан едва успел подхватить его у самой земли. Отряхнувшись и потопав ногами о мостовую, отряд вступил на территорию славного города Гроендага. Они шли по чистым, умытым дождем улицам, а любопытные жители глазели на них из-за изгородей и приставали с расспросами.

- Привет, путники! - крикнул бородатый здоровяк.

- Здравствуйте, - немедленно отозвался Тиллиер.

- Откуда путь держите?

- Спасибо!

Капрал гневно зыркнул на балагура и ответил коротко:

- Из Вейнринга.

- Военные, что ли? Я смотрю - вроде в мундирах, - не унимался бородач.

- Да.

- А к нам с какой целью пожаловали?

- Думаю навестить армейского друга.

- Кого, если не тайна?

- Йельда-брадобрея.

- А-а-а... У него дом дальше, по переулку направо. Особняк в три этажа с большими окнами внизу. Новехонький. Йельд заложил первый камень, когда ушел в отставку со службы.

– Я знаю.

– Если понадобится постоянный двор, то шагайте в центр, там их четыре штуки, – подала голос женщина в цветастом платье из дома напротив. – Лучшим у нас считается «Щербатый меч», но и «У задυшенного» тоже, говорят, ничего.

– Благодарю, – ответил Скиндар. – Но я думаю, что Йельд приютит старого товарища и его друзей.

– А мы все ждем рекрутскую команду из Овергора, – заметил бородач. – Да вот ходят слухи, что король Вертрон в этом году задумал без Гроендага обойтись. Не слыхали ничего в столице по этому поводу?

Скиндар невозмутимо пожал плечами, дескать, понятия не имею, о чем вы, и отошел в сторону, пропуская вперед свой отряд. Риордан шагал по добротной мостовой города, поглядывал на дома и не находил тут ничего, что напоминало бы о бедности и невзгодах, с ней связанных. Просторные постройки, чистота, убранные дворики, нарядные дети играют в палисадниках, по улицам не шастают клыкастые свиньи, оставляя за собой дымящиеся навозные кучи. Хоракт словно прочитал его мысли.

– Благоденствуют, – с завистью сказал он. – Сразу видно, что война дело прибыльное. Солдаты присылают сюда свои денежки, народ строится, процветают ремесла. Да... Если их подвинут с воинской службы, Гроендагу придется тяжко.

Когда они дошли до нужного дома, все рекруты вытаращили глаза от изумления. Перед ними возвышалось массивное здание, в котором не проглядывало и намека на изящество, свойственное большинству домов Гроендага. Никаких тебе лепных барельефов или разноцветных витражей. Просто прямоугольный домище в три этажа с двускатной крышей из красной черепицы.

Скиндар рассмеялся:

– Ай да Йельд! Глядите, молокососы, это Воинская школа Овергора, но в уменьшенном виде. Видите большие окна на первом этаже? Там у нас в столице находятся столовая, библиотека, учебные классы и канцелярия. Второй этаж –

покои наставников и всякие кабинеты. А на третьем и четвертом этажах, только четвертого здесь нет, расположены личные комнаты курсантов. Ха-ха. Он пристроил к главному зданию три больших амбара. Знаете, что это? Оружейная, а также склады с продовольствием и обмундированием.

– Разрешите беспокоить, господин капрал. А поединщики на каком этаже расселены? – спросил Хоракт.

– Поединщики? – с удивлением переспросил Скиндар. – Чего им делать в общей казарме? Они живут на квартирах. В Овергоре им отвели целый квартал, который так и называется – Воинский.

– Еще один вопрос, господин капрал, – влез в разговор Тиллиер. – А почему вы назвали Йельда брадобреем? Он что, бывший цирюльник?

Ему ответил Виннигар:

– Нет, он работал мечом, а не бритвой. Четыре года назад во время ильсингарской кампании Йельд фалькатой начисто снес одному из своих противников нижнюю челюсть. Вместе с бородой. Их Мастер войны выкинул тогда синий штандарт, потому что боец был заслуженный и ильсингарцы хотели его спасти. В общем, мы взяли победу, потеряв всего трех человек. Да и то двух сумели потом отходить.

– А третьего? – робко спросил Хоракт.

– Родные получили погребальную пенсию. Кстати, одним из тех двух раненых оказался сам Йельд. Следующий поединщик Ильсингара отмахнул ему глефой ногу по колено.

Риордана поразило, что роканд рассказывал о смертях и увечьях совершенно обыденно, не стараясь произвести на новобранцев впечатление. Так крестьяне говорят о погоде, всходах, прополке сорняков и надоях. Тогда он впервые по-настоящему осознал, в какую страшную реальность попал. Здесь смерть буквально на каждом шагу, и ее жуткий лик настолько примелькался, что стал неотъемлемым атрибутом любого пейзажа.

Боль в щеке и ухе, которая мучила его во время перехода, вдруг отступила и осталась лишь ломящим голову эхом. «Я выживу, я смогу, – пообещал он себе. – А значит, мне надо много тренироваться».

Скиндар подошел к массивной деревянной калитке, окованной медными полосами, решительно взялся за дверной молоток в форме шипастой палицы и постучал. Через пару минут калитка отворилась. В ее проеме возник вихрастый широкоплечий парень в белой рубахе с распахнутым воротом. Сначала он насмешливым взглядом обозрел их грязную одежду, но потом заметил лычки на мундире Скиндара, мгновенно построжал и подтянулся.

– Желаю здравствовать, – с расстановкой произнес парень.

– Будь здоров, – надменно ответил капрал. – Мы к Йельду с визитом.

– Как прикажете доложить о вас мастеру?

– Мастеру? Вот как! Ха-ха. Хорошо, доложи, что его желает видеть... – тут Скиндар запнулся, потому что на языке вертелся полный перечень регалий, но озвучивать их сейчас, учитывая обстановку, было неуместно. – Его желает видеть старый товарищ Скиндар в компании спутников.

Калитка немедленно захлопнулась, оставив военных на улице. Через пару минут из-за нее раздался густой бас, вероятно, принадлежавший хозяину дома:

– Скиндар, говоришь? Так чего же ты, олух, не приглашаешь такого знатного гостя во двор? А ну, распахивай ворота! Людей из столицы пристало встречать с почестями. Два наряда в коровник! Видать, рано я перевел тебя в дворню из пастухов. И на неделю ты отстранен от занятий с алебардой. Не скули. Сам знаешь, что я не люблю нытиков, и выпросить у меня можно разве что хороший пинок в живот.

Ворота распахнулись. Перед путниками открылся просторный двор, мощный разноцветной речной галькой, а посреди двора стоял сам Йельд-брадобрей, скрестив руки на груди. Ростом он был почти с Дертина, но не такой массивный. Его плечи украшал добротный камзол с богатым шитьем, одна нога была обута в щегольский башмак с загнутым носом, а вторая заканчивалась деревянным отлакированным протезом. У Йельда на груди лежала окладистая с проседью

борода, заплетенная внизу при помощи серебряной нити в короткую косичку, а на голове произрастала пышная шевелюра, которая на щеках смыкалась с бакенбардами. Видом он походил не на солдата, а знатного вельможу, который провел несколько последних месяцев в лесной чаще, причем в компании крупных хищников, отчего его прическа и брови приобрели неряшливость, а выражение лица – отпечаток свирепости.

– Хо-хо! Сам Ловкач! – проревел Йельд. – Да еще не один, а со Зверем в компании.

Новобранцы переглянулись. Прозвище Зверя вполне соответствовало натуре Виннигара, но никто не ожидал, что Скиндара прозвали Ловкачом.

– Сладкой погибели, Йельд, – улыбнулся капрал. – Ну, как жизнь на гражданке?

– Скучновато. Вот, обзавелся хозяйством. Маслобойня, кожевенная мастерская, а коровник у меня вынесен за городскую стену, как и все здешние фермы. И еще я преподаю искусство боя для молодняка, который готовит себя к службе в армии. А ты как, Ловкач? По-прежнему ищешь новых героев для Овергора?

– Да, я все так же заведу учебной частью, – подтвердил Скиндар.

– Понятно. Зверь, я слышал, что твои дела наладились? И теперь ты снова в первой десятке?

– Да, Мастер войны Биккарт оказал мне такую честь, – с достоинством ответил Виннигар.

– Ой, не знаю, честь это или немилость. Но учитывая тот факт, что опытных поединщиков у Овергора почти не осталось, а свободные наемники не горят желанием продавать Вертронку свои мечи, выбирать Биккарту не приходится. Десятку надо сколачивать из вчерашних резервистов, а во главе ставить героя Меркийской войны и как-то добывать нам первую за три года победу.

– Честь или смерть, – мрачно промолвил Виннигар.

– Главное, чтобы не все одновременно, – вздохнул Йельд. – А кто это с вами? Неужели новобранцы?

– Призыв из Вейнринга, – кивнул Скиндар.

– Ого. Мастер войны рискует. Если дело не выгорит, им может заняться сам Накнийр. Впрочем, Биккерт всегда был отчаянным малым. Гроендагу такие вести придутся не по душе. Ладно, чем я могу быть полезен старым друзьям?

– Приют и ночлег, – ответил Скиндар.

– Само собой. В гостиницу вам соваться не стоит, – хмыкнул Йельд. – Что еще?

– У одного из новобранцев пришла в негодность обувь.

– Вижу, что здоровяк скачет на одной ноге, прямо как я. Сейчас же пошлю за сапожником.

– Во время перехода из Вейнринга мы попали под грозу с гор. И в одного рекрута угодила бесноватая молния.

– Ясно. Нужно забрать тело. Я распоряжусь выслать телегу.

– Тело здесь, и оно пока живое, – усмехнулся Скиндар. – Но ему необходим лекарь.

– Ничего себе, – удивился брадобрей. – Не зря говорят, что жителей Прочного круга ничего не берет. Лекарей у нас в избытке. Тебе, Ловкач, не стоит его сопровождать по улицам и привлекать внимание к своему мундиру. Моя дочь Эльга проводит паренька и приведет обратно. Эй, кто-нибудь! – зычно крикнул Йельд.

Из разных углов двора высунулось несколько физиономий прислуги.

– Немедленно сбегайте за Зеленоглазкой. А вы, путники, проходите внутрь. Слуга покажет гостевые покои, и я пришлю кого-нибудь забрать и почистить ваши платья. К утру все будет готово, а сегодняшней вечер вы проведете в

гроендагской одежке. Мой винный погреб полон, Ловкач. Как насчет того, чтобы вспомнить прежние времена и выстроить вдоль стены армию из пустых бутылок? Тогда поднимайтесь в дом, а ты, юноша с платком на щеке, дождись моей дочки, и вместе ступайте к доктору. Вот, возьми один золотой, его с избытком хватит за прием, – с этими словами Йельд протянул Риордану монету.

– Он уже на службе, так что платит корона, – возразил Скиндар и тоже достал деньги.

Йельд не стал упираться, но пошарил в накладном кармане камзола и вынул горсть медяков.

– Тогда прибавь от меня вот это, чтобы лекарь не трепал языком, кому он делал перевязку.

Не успели гости подойти к крыльцу, как по его ступенькам буквально слетела девушка в белом сарафане до колен. Нисколько не смущаясь вниманием чужих людей, она при всех убрала распущенные волосы в толстый хвост и решительно поправила широкий пояс, которым была перехвачена ее тонкая талия. Ростом она превосходила Риордана на полголовы, ее личико поражало своей открытостью, глаза искрились смехом, а губы, казалось, готовы были сложиться в улыбку. Шедший впереди всех Тиллиер так засмотрелся на ее стройные лодыжки, что запнулся о крыльцо и едва не расквасил себе нос о перила.

– Моя дочь Эльга, – с гордостью представил девицу Йельд. – В Гроендаге ее все называют Зеленоглазкой. Думал, ха-ха, поставить у ворот оглоблю, чтобы отваживать женихов, но пока она и сама справляется.

– Папа, – с нажимом произнесла Эльга.

– Ишь покраснела! Чего пенять на то, что местные увальни тебе не ровня? Как-нибудь отыщем суженого тебе под стать, помяни мое слово. Эльга, ко мне, старому отставнику, заглянули мои товарищи по оружию вместе со своими... кгм... спутниками. С одним из них, вот с ним, который прикрывает пол-лица оранжевым платком, по дороге произошла небольшая неприятность. В него попала молния.

Глаза девушки округлились от неожиданности, а потом она нахмурила брови.

- Молния? - с явным недоверием переспросила Эльга.

Видимо, она подумала, что отец ее разыгрывает.

- Знаете, барышня, такой огненный шар, который трещит. У вас их называют бесноватыми, - вставил Скиндар, чтобы прибавить утверждению Йельда правдоподобности.

- Парня нужно отвести к лекарю, чтобы он его заштопал. К Леогару не суйся, у него наверняка полно пациентов с коликами и поносами. Но едва больные увидят вас, как они тотчас же забудут про свои болячки и станут надоедать со всякими расспросами, - приказал Эльге отец. - Ступайте лучше сразу к хирургу Аристу, он хоть и дерет три шкуры, но залатает на совесть. К тому же у него почти всегда свободно.

- Эльга, окажи любезность, - сказал Скиндар. - Риордану тяжело разговаривать, поэтому... - тут капрал замялся, не зная, как сформулировать свою просьбу.

- Не приставай к нему с разговорами! - подхватил Йельд и легонько кивнул старому товарищу в знак того, что понял и оценил его хитрость.

Пока отец и его гости поднимались на крыльцо и заходили в дом, девушка рассматривала невесть откуда свалившегося на нее подопечного, смешно оттопырив нижнюю губу, но лишь за последним приезжим захлопнулась дверь, хитро прищурилась и выпалила:

- Значит, ты Риордан, да? А я - Эльга. Покажи, что у тебя под платком, мне жутко любопытно!

Риордан отрицательно замотал головой.

- Стесняешься, да? - разочарованно вздохнула девушка. - Жаль. Никогда не видела, что бывает с человеком, когда в него ударяет молния. Наверное, тебя можно показывать за деньги на ярмарках. Не обижайся, отец говорит, что я жуткая болтушка. А тебе вправду нельзя разговаривать?

Риордан утвердительно тряхнул чубом.

– Ну и ладно. Говорить буду я, а ты кивай. Условились? Тогда пойдём к доктору. У тебя есть деньги? Точно? Не беда, если нет, отец будет рад услужить Скиндару и запишет на свой счёт. Да и Виннигара он тоже уважает. Ты удивлен, откуда я их знаю? Я наизусть выучила всю историю овергорских войн за десять последних лет. Это страшно интересно. Я могу рассказать тебе про всех Мастеров войны и даже про каждого поединщика. Излюбленное оружие, коронные финты и кого когда пришили. Здорово, да? погоди, а ты кем приходишься Скиндару?

Риордан потупился, но ничего не ответил. Эльга нахмурилась.

– Стой. Ты ведь не из Овергора, верно? На тебе одежда горцев, в столице так никто не ходит. Давай сделаем вот как. Ты покажи рукой, откуда ты родом, а я уж сама догадаюсь. Ну, чего ты застыл, как истукан?

Медленно, нехотя, Риордан вытянул руку в направлении горы Унгорн.

– Так и знала, – торжествующе воскликнула Эльга. – Ты из Прочного круга. Но на солдата не похож, – и вдруг она охнула, прикрыв рот ладошкой. – Я поняла. Тебя призвали на службу. Ты новобранец, вот ты кто! И все остальные, кроме Скиндара и Виннигара – тоже новобранцы.

Риордан в смущении топтался на месте, не поднимая глаз.

– Это нехорошо, – решительно заявила Эльга, покачав головой. – Раньше набор всегда начинали с Гроендага. У нас лучшие школы боя и самые подготовленные рекруты. Значит, это правда? Мастер войны решил обойтись без Гроендага?

Риордану осталось только развести руками, вернее рукой, потому что вторая держала платок у щеки.

– Ладно, наверное, ты тут ни при чём, – великодушно заявила Эльга. – Ты выдержал испытание и прошел отбор, в чём же тебя винить? Но если народ об этом узнает, будет страшный скандал. Но я никому не скажу, можешь не сомневаться. Я хоть и болтушка, но тайны хранить умею. Веришь мне?

Риордан с готовностью кивнул.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – Идем, чего стоишь как вкопанный? А ты кто по специальности? погоди, не говори, я сама догадаюсь. Для молота ты щупловат, для топора тоже... – Эльга вновь остановилась и от досады хлопнула себя по лбу. – Ну, как я сразу не поняла! Невысокий, длинные руки, наверняка подвижный. Ты меченосец! Ну, конечно! Я права?

Риордан смущенно кивнул. На самом деле, он не считал себя меченосцем. Он вообще ни кем себя не считал и даже толком не понимал, как его угораздило здесь очутиться. Эльга встала рядом и вытянула вперед руку.

– Давай померяемся. Ничего себе! А кисти-то, кисти какие! Мне бы такие хваталки. Меченосцы – элита. Отец говорит, что с клинком работают многие, но настоящих виртуозов, одаренных от природы, единицы. Как же тебе повезло с руками! Поэтому Скиндар тебя и выбрал.

В голове Риордана все смешалось. В родной деревне его фигура не считалась привлекательной, скорее наоборот, была постоянным предметом насмешек. А тут, оказывается, у него выдающееся от природы сложение. Эльга воровато оглянулась по сторонам, а потом протянула Риордану раскрытую ладонь.

– Не обижайся, просто я очень хочу попробовать. Пожать руку настоящему меченосцу. Не волнуйся, нас никто не видит.

В Вейнринге люди часто здоровались за руку, так что Риордан не углядел в этом ничего предосудительного. Он пожал узкую ладонь девушки. Она прыснула.

– И это все? Жми со всей силы! Еще! Ой, хватит! Отпусти! Перестань!

Эльга выдернула руку и затрясла ладошкой. Потом посмотрела на Риордана каким-то новым взглядом:

– Ну, ты даешь. У тебя пальцы словно жернова. Признаюсь по секрету, я испытывала наших парней. Так, ради шутки. Но такого не припомню. Знаешь, раньше они надо мной подсмеивались из-за роста, а теперь приходят и приглашают прогуляться до околицы. Приносят цветы и всякие сласти. Смешно, правда? Я и сама переживала пару лет назад. А вдруг я вырасту величиной с колодезного журавля? Но доктор Арист, к которому мы сейчас идем, успокоил,

что, дескать, все растут по-разному, некоторые равномерно, а некоторые сразу, вот так, как я. И знаешь, за год я почти совсем не выросла. Я делаю зарубки на двери и проверяю каждую неделю. А тебе уже исполнилось семнадцать? Да чего я спрашиваю, дура, конечно, исполнилось, раз тебя призвали. Мне исполнится семнадцать через четыре месяца. Только девушек в войско не берут, по крайней мере, в солдаты. Обидно, правда? Можно стать маркитанткой, санитаркой и еще кое-кем, ну ты понимаешь.

Риордану краска бросилась в лицо, но Эльга продолжала, как ни в чем не бывало:

– А я бы хотела стать воином. Говорят, что в некоторых королевствах это разрешено, но не в Овергоре. Думаешь, что я спятила? Да я изучаю мастерство боя с десяти лет, если хочешь знать! Сначала самостоятельно, а потом, когда отец вернулся со службы, под его началом. Слушай, а вот бы нам с тобой устроить поединок? Скажем завтра. У нас за домом есть специальная площадка и навес с вооружением, там отец тренирует наших парней. Давай встретимся на рассвете? Мне ужасно хочется помериться силой с настоящим меченосцем. Придешь?

Риордан не без робости кивнул. Вот будет конфуз – уступить девчонке. Но потом он вспомнил, что одолел самого Виннигара, расправил плечи и еще раз кивнул, уже с достоинством.

Они шли какими-то узкими переулками, в которых две телеги если бы и разминулись, то с трудом. Перед заборами росли сливы и ринды с иссиня-черной корой. На их ветвях висели круглые плоды, усаженные тупыми иголками. В другое время Риордан сорвал бы пару-другую, но не сегодня. Девушка периодически бросала на своего спутника пристальные взгляды. Она рано осталась без матери, и ее воспитанием занимался отец, который жил и бредил войной. Боги не были благосклонны к Йельду и не дали ему сына. Но в память о жене, которую он любил до сих пор, каждый день видя ее отражение в единственной дочке, Йельд не стал приводить в дом другую женщину. Зато Эльге приходилось разделять взгляды отца касательно всего на свете и подвергаться странному для девочки методу воспитания. Ей не пришлось овладеть искусством метлы и половника, но она имела представление о технике боя с любым оружием. Школа Йельда-оружейника была не самой большой, но одной из самых уважаемых в Гроендаге, и Эльга с раннего детства занималась в ней наравне с парнями, многих из них превосходя. Поэтому и оценивала она

мужчин не по красоте или изящным словесам, а по тому, что они могут на тренировочном плацу. С детства завидовала она мальчишеской силе, реакции, недоступной для нее, девочки. Но сейчас все изменилось, и ее пугали эти изменения. Несмотря на семнадцатый год, женственность лишь только просыпалась в ней. Она прорывалась плавными движениями, кокетливыми позами и ранящими сердца парней взглядами, но сама Эльга пока еще не осознавала той могучей первозданной энергии, что копилась у нее внутри. Девушку раздражало, что теперь на площадке парни не стараются ее победить, они поддаются, а вместо того, чтобы отражать выпады, рассматривают ее ноги, мелькающие из-под подола. Раздражало, но одновременно льстило, и эта двойственность иногда доводила ее до слез. Этот, из Вейнринга, был не такой. С длинными руками, которые обеспечат в бою на мечях преимущество, он совсем не смотрел на Эльгу так, как смотрели на нее другие парни. И он был ранен, что для Эльги само по себе уже обеспечивало уважение. Да и как ранен – в него угодила бесноватая молния! Но он выжил и идет с ней рядом, хотя видно, что ему очень больно.

– А вот и дом Ариста, – они остановились перед просторным особняком из темно-красного порфира, редкого камня, который подводами привозили с самого Венбада. – Ты только не трепись, что я испытывала тебе руку, ладно? И вот совет на будущее – когда жмешь кому-то ладонь, ты протягивай ее мягкую, словно прожеванный пирог, но в самый последний момент представь, что схватил кусок гранита и напружи кисть. Понял? Тогда рука у тебя станет твердой и ее не смогут стиснуть как следует. Стой здесь, а я сбегаю и договорюсь, чтобы тебя осмотрели.

Эльга исчезла за высоким кованым забором, а Риордан принялся от нечего делать расхаживать взад и вперед, пиная щебенку на мостовой. Никогда раньше ему не врачевали таких ран, поэтому в душе он немного побаивался. Более того, он даже не знал, как выглядит со стороны его сожженная щека. Про лекарей рассказывают всякое, но какой он будет, когда все заживет? Ему совсем не досталось красоты от матери, так мало того, стоило лишь покинуть отчий дом, как природа обезобразила его окончательно. Хотя Эльгу вроде бы совсем не смущала его внешность, даже наоборот. Или прав был Скиндар, и для солдата смазливое лицо – дело десятое?

– Эй, ты! – окликнул его парень, который вольготно расположился на завалинке около соседского дома и уже минуту наблюдал за его топтаниями.

Риордан повернулся на окрик, но не знал, что сказать в ответ. Потом вспомнил приказ Скиндара и прохрипел:

– Здравствуйте, – по щеке сразу разлилась дергающая боль.

– И тебе привет. А я смотрю, кто там прогуливается с Зеленоглазкой. Откуда будешь?

Риордан потыкал пальцем свободной руки в носовой платок, дескать не могу разговаривать.

– А-а-а, – протянул незнакомец. – Зубки, значит, болят.

Парень поднялся с места и разболтанной походкой направился к Риордану. Тот хмуро наблюдал за его приближением. Местный проявил недружелюбие, и это, скорее всего, было связано с Эльгой. Хотя парень выглядел выше и крепче его самого, Риордан не оробел ни на секунду. Раньше с ним часто задирались, и виной тому была его щедедушная внешность. В Вейнринге многие сверстники пытались проверить его на прочность, а потом горько об этом жалели. Риордан сразу решил, что если дойдет до драки, он с одного удара своротит незнакомцу челюсть, как сделал это с Тиллиером. Нельзя допустить, чтобы этот оболтус повредил его рану. Внутри Риордана ширилось и росло негодование. Вот чего все к нему цепляются? Даже когда у него щека прожжена до зубов? Ничего, этот тоже получит. Парень остановился в шаге, насмешливым взглядом окинул фигуру Риордана, а потом неожиданно протянул ему раскрытую ладонь. Странно. Риордан хотел было поздороваться обычным способом, но вдруг вспомнил недавнее наставление Эльги и поступил так, как она советовала. И вовремя вспомнил, потому что парень сжал ему кисть со всей силы. Риордан торжествующе усмехнулся и стал смыкать свои пальцы, представляя, будто он крошит в руке кусок известняка. Лицо парня сначала приобрело озадаченное выражение, потом его искривила болезненная гримаса, а спустя несколько мгновений он весь изогнулся к земле, пытаясь ослабить хватку Риордана.

– Что здесь происходит? – раздался позади звонкий голос Эльги. – Фарной! Ты совсем сдурел? Я привела раненого, а ты бросаешь ему вызов?

Риордан смешался и разжал кисть. Какой вызов? Местный сначала цеплялся, а потом подошел поздороваться. Парень же запрыгал на одной ноге, очумело

тряся ладонью.

– Раненый, говоришь? – жалобно воскликнул он. – Ничего себе – раненый! Да он мне чуть руку не сломал.

Эльга повернулась к Риордану и незаметно для Фарноя подмигнула с лукавой улыбкой.

– И поделом! Будешь знать, с кем связываешься. В человека угодила бесноватая молния, он можно сказать еле дышит, а ты навязываешь ему поединок. Риордан, нужно было обязательно сломать руку этому балбесу. Нечего было его жалеть. Ладно, пойдем, доктор Арист ждет тебя.

Когда они поднялись на крыльцо, Эльга обернулась к незадачливому забияке и погрозила тому пальцем. Фарной стоял на том же месте, озабоченно разглядывая свою пострадавшую руку.

– Похоже, что посинеет теперь, – посетовал он.

– Если я расскажу отцу про твою выходку, то после следующего занятия у тебя посинеет не только рука, но и задница, – пообещала Зеленоглазка и, уже обращаясь к Риордану, воскликнула: – Ну, чего ты мнешься? Открывай дверь.

Когда Риордан перешагнул порог просторной приемной врачевателя, он буквально остолбенел. Все стены были увешаны картинами. С полутора десятка полотен на него взирали грозные воины. Их руки сжимали оружие, солнечные блики отражались от великолепных доспехов, а лица буквально излучали непреклонность и уверенность в своей несокрушимой мощи. Риордану не нужно было объяснять, что перед ним портреты поединщиков, он понял это сам. Казалось, что герои готовы в любой момент сойти с холстов и ринуться в битву. И никакая сила не устоит перед их натиском, ни один смертный не в состоянии будет одолеть этих сверхчеловеков. Риордан вздохнул. Неужели когда-нибудь ему суждено оказаться в этом ряду? Но разве такое возможно? Он всего лишь молодой охотник из Вейнринга, притесняемый и презираемый многими, а они – кумиры Овергора, каждый их вздох обсуждается народом, а гибель оплакивается миллионами. Голос Эльги словно свежий горный ветер разогнал мираж из рыцарских образов перед его глазами.

– Это работы доктора Ариста, – с гордостью сообщила она. – Он рисует только тех поединщиков, которые обращались к нему за помощью. Некоторых из них я даже видела здесь, в его лечебнице. Вот этот, в черном пластинчатом доспехе, был ужасным сквернословом. Когда доктору надоело слушать его проклятья, он прервал операцию и предложил на выбор – зашить тому рот или подрезать язык. Мне рассказала об этом санитарка. А Мельгард, вон тот красавец в шлеме с золотой насечкой, оказался жадюгой первой статьи. Он не заплатил за лечение, заявив, что теперь Арист имеет право всем рассказывать, как он пользовал самого Мельгарда. Умелые были воители, жаль, что их теперь нет в живых. Ну, хватит болтать! Дверь видишь? Заходи, я обожду тебя здесь.

Над притолокой двери висело резное панно, на котором была очень реалистично изображена полуобнаженная девушка, а по контуру ее фигуру окружала бодрая надпись: «Врачую любые раны, кроме душевных». Риордан схватился за массивную литую ручку из бронзы, открыл дверь и перешагнул через низкий порожек в мир излечения и боли.

Смотровая оказалась небольшой прямоугольной комнатой с высоким потолком. Широкое окно понизу было завешено белыми занавесками, но через его верхнюю часть в кабинет поступало достаточно света. В дальнем углу смотровой стояла узкая кушетка с устрашающими ремнями, что свисали с нее до самого пола. На стене, напротив двери, был развешан самый разнообразный хирургический инструмент, один вид которого способен был вызвать нервный припадок у любого пациента. Таблички над инвентарем, сделанные, видимо, для ассистентов врача, тоже не добавляли бодрости. Риордан поежился от «щипцов зубных средних», дрогнул при виде «ланцета для отворения вен» и отшатнулся от «пилы для вскрытия черепа». Вдруг голос откуда-то сбоку произнес:

– Садитесь, юноша.

Риордан с трудом оторвал взгляд от «расширителя уретры зазубренного» и даже не сел, а плюхнулся на стул напротив лекаря. «Кажется, теперь я догадываюсь, почему у этого Ариста никогда нет очереди», – подумал он, переводя взгляд на доктора. Внешний облик хирурга его немного успокоил. После величественных и грозных портретов в приемной Риордан почему-то представлял себе врачевателя человеком преклонного возраста со строгим взглядом, а перед ним сидел мужчина средних лет с маслянистыми черными глазками навывкате, острым носом и розовыми пухленькими щечками. Даже из-за стола было видно, что доктор очень невысокого, а может, и вовсе маленького роста. Он

рассматривал пациента с насмешливым интересом, чуть наклонив набок голову. Когда Риордан окончательно угнездился на стуле, Арист произнес:

– Я доктор.

– Здравствуйте. Я понимаю, – проскрипел Риордан.

– Славно, что понимаете. В таком случае вы можете убрать эту оранжевую тряпку, чтобы я мог осмотреть вашу рану.

Спохватившись, Риордан засунул одолженный Виннигаром платок в карман куртки и повернулся к лекарю обожженной щекой. Тот несколько раз повернул голову пациента в разные стороны, используя его подбородок, как рычаг, попросил открыть рот и залез туда пальцами, очевидно разглядывая повреждения изнутри. Потом встал и некоторое время полоскал руки под крохотным ручкомойником, который располагался прямо у него за спиной.

– Значит, молния? – спросил он, не поворачиваясь. – Бесноватая?

– Угу, – промычал Риордан.

– В целом удачно прижгла. Края раны словно оплавлены, грязь туда не попала, а значит – горячки можно не опасаться. Беспокоит сильно?

– Терпимо.

– Славно.

Врач ловким движением, не отодвигая свой стул, нырнул на свое место и принялся что-то строчить в лежащем перед ним свитке. Исписав примерно половину страницы, он решительно воткнул перо в чернильницу и снова воззрился на Риордана.

– Повреждения пустяковые с учетом способа, которым вы их заполучили. Сгоревшую мочку уха я отсеку и залеплю рану целебным составом из белой глины и одолень-травы. Получится такая сережка, которую через неделю можно будет снять, когда ухо заживет. А вот со щекой у нас есть три варианта

исцеления. Первый – также сделать компресс заживляющим составом. Эта ваша перфорация все равно постепенно затянется. Но все случится через какое-то время, и после останется хорошо заметный участок рубцовой ткани. А кроме того, поврежденные молнией волокна будут отмирать, а значит, велик риск нагноения, поскольку туда неизбежно попадут остатки пищи, – выдав этот спич, Арист откинулся на спинку стула со значительным видом и замолчал, ожидая от пациента какой-то реакции.

Риордану не оставалось ничего, как поинтересоваться о двух других способах.

– Вы терпеливы к боли? – вместо ответа спросил лекарь и, получив подтверждение, пояснил: – Тогда мы сразу режем те участки, которые впоследствии отомрут и стягиваем края раны хирургической нитью. Получится очень пикантный звездчатый шрам, и повреждение заживет гораздо быстрее. Что касается третьего способа... – Арист прервался и несколько секунд с увлечением чесал свой длинный нос. – С третьим вариантом еще интересней. Я могу вымочить свою хирургическую нить в кармине или индиго и сделать по вашей щеке множество стежков. Краска проникнет под кожу, и после извлечения нитей поверх шрама останется узор. Люди не будут видеть шрам вовсе, потому что станут смотреть на татуировку.

– Татуировку?

– Да. Рисунок. Некоторые бойцы наносят татуировку на тело в виде амулета и оберега. Говорят, что это даже способствует любовным утехам. Ничего особенно выразительного у нас на щеке не получится, но какой-то простейший орнамент я вам нарисую, – доктор нырнул под стол и через некоторое время вернулся обратно с объемистым фолиантом в руках. – Но терпеть придется гораздо дольше.

– Я готов.

– Славно.

Полистал его немного, переворачивая страницы туда и сюда, и, наконец, захлопнул, подняв над обложкой пыльное облачко.

– Например – крест. Символ веры и непреклонности. Что скажете?

Риордан отрицательно замотал головой.

– Славно. А если пентакль? Ну, звезду? Это знак единения стихий. Тоже не привлекает? Ладно. Тогда может быть спиралевидный узор? Как раковина у улитки. Завитки будут сходиться к шраму, делая его частью орнамента. Это символ ветра или даже урагана. При известной фантазии туда можно притянуть вашу бесноватую молнию.

Риордан моментально утвердительно кивнул. Арист воодушевленно потер ладошки.

– Значит, выбор сделан. Я пойду, скажу Зеленоглазке, чтобы шла домой. Процедура затянется на пару часов, не меньше. Вот, разжуйте и положите это за десну, поближе к поврежденному месту, – он протянул Риордану кусочек стекловидного корешка. – Это анестезия, обезболивающее.

Врач вышел в приемную, и через открытую дверь Риордан слышал его разговор с Эльгой.

– Ступайте домой, юная леди. Я объясню парню обратную дорогу, а может быть, даже провожу.

– Отец велел мне привести его обратно.

– Ждать придется долго.

– Ничего. Я посижу тут.

Вернувшись, Арист плотно прикрыл дверь и подмигнул Риордану.

– Не знаю, как там у молодежи это сейчас называется, но, похоже, что вы, юноша, очень приглянулись нашей Зеленоглазке.

– Ничего такого, – Риордан протестующе замотал головой.

– Уж поверьте. Думаете, вы первый, кого она сюда приводит? Но вы точно первый, кого Зеленоглазка решила дожидаться. Как щека? Начинает неметь? Славно. Сейчас я подготовлю инструмент и начнем. Когда закончим, я залеплю последствия своей работы целебной глиной, так что на татуировку вы сможете полюбоваться через неделю. В сверточке, который я вам приготовлю, будет корень шелоки, это для обезболивания, если рана будет беспокоить. Принимать не более одного раза в день по маленькому кусочку. Откусите в три раза больше – перенесетесь в другой мир, где на вас запросто может нагадить огнедышащий дракон. А еще в бумажный кулечек я насыплю порошок из одолень-травы. Если вдруг появится ноющая боль, значит, рана начала гноиться. Тогда немедленно нужно будет отковырять глину и засыпать порошком очаг воспаления. Вы отсюда в столицу направляетесь? А случайно не в Воинскую школу? Юноша, я доктор, а доктора не имеют привычки разбалтывать секреты своих пациентов. Вот и славно. Я напишу записку Пайраму, тамошнему врачу и моему старинному приятелю. Он извлечет нити, когда придет время.

Процесс нанесения татуировки занял больше времени, чем предполагал доктор. Сквозь пелену наркоза Риордан видел нити, которые замачивались в синей краске, но не чувствовал ни уколов, ни того, как его щека покрывалась их стежками. Из кабинета Ариста он вышел, слегка пошатываясь, когда на улице уже начало темнеть. Эльга тут же вскочила с места.

– Ну, как? Выглядишь вроде нормально. Что под этой лепешкой? Ой, я забыла, что тебе нельзя разговаривать. Чуть не заснула, пока тебя ждала, – девушка шутливо пихнула его в бок, отчего Риордан немедленно покраснел. – Ходить можешь? Как-то тебя качает. Хочешь опереться на мое плечо? Я сильная! Нет? Ишь какой гордый. Ладно, пойдем поскорей, ты, наверное, умираешь с голоду.

Вечерний Гроендаг быстро закутывался в плотное одеяло темноты. На перекрестках начали зажигаться круглые фонари со светляками внутри. Улицы опустели, все жители к этому часу закончили свои дела и теперь сидели по домам. За дорогу до особняка Йельда Зеленоглазка успела поведать молчаливому спутнику подробности городской жизни и рассказать по крайней мере о половине войн королевства Овергор. Риордан кивал в такт, но не слышал ни слова. Он украдкой рассматривал Эльгу и удивлялся ее искренней непосредственности. Девицы Вейнринга вели себя совершенно по-другому, по крайней мере – с ним. Он вообще ни разу не оставался с девушкой наедине, это чувство было для него внове. Риордан вспомнил, что сказал ему о Зеленоглазке доктор, и его сначала бросило в жар, а потом он грубо оборвал свои фантазии:

«Чего ты о себе возомнил? Девчонка сердобольная, пожалела калеку, вот и вся история. Она – дочь богатея, а ты – нищий охотник. Тебе нечего ей предложить. Во всяком случае, пока».

Они остановились на ступеньках дома Йельда.

– Ты иди, а у меня есть еще дела по хозяйству. Гостевые комнаты у нас на третьем этаже, справа от лестницы. Значит, на рассвете встречаемся на тренировочной площадке? Не проспий? Ладно, ступай. До завтра, – с этими словами Эльга махнула Риордану рукой, и через несколько секунд ее белый сарафан растворился во мраке, в который был погружен двор.

Своих земляков Риордан нашел без труда, по звукам голосов. Они сидели за прямоугольным струганым столом по центру комнаты, а на полу вокруг валялись спальные тюфяки, подушки и одеяла. Все были в полотняных рубашках и штанах такого же кроя, как и на парне, который открывал им калитку. Перед новобранцами стояла початая бутылка вина, а посередине стола – блюдо с мясом и вареными овощами. В углу комнаты потрескивала углями небольшая печка, масляный светильник отбрасывал на стены пляшущие тени.

– О, Риордан вернулся. Ну, как ты? – спросил Дертин.

– Нормально. Все заштопали.

– Болит? – сочувственно поинтересовался Хоракт.

– Сейчас нет. Доктор дал мне обезболивающий корень.

– Дочка у брадобрея видная. Не сказать, что совсем красавица, но фигурка хоть куда, – хмыкнул Тиллиер. – По заднице гладил ее? Зря, они это любят.

– Ты переодевайся, а я отнесу твою одежду в чистку. Хозяйские шмотки на тюфяке. Ужин на столе, но уже остыл. Жевать сможешь? – спросил Хоракт.

– Попробую на другой стороне.

– Жрачка у Йельда так себе. Моя кошка и то вкуснее блюет, – заметил Тиллиер. – Садись на место Хоракта, мы потеснимся. Дертин, плесни, что ли, землячку. Пока ты ходил к лекарю, наш кузнец уже успел смотаться до своей зазнобы. Вернулся и сияет весь. Я мыслю, что все у него получилось, иначе бы мы его до утра не видели. Что краснеешь, Дертин, угадал, да? Наш интерес к ним такой, сугубо телесный, а все эти разговоры – любишь не любишь, нам без надобности.

– Не болтай лишнего, Тиллиер, – урезонил его кузнец.

– Да я ничего, главное, что ты две бутылки добыл, вот это молодец, не забыл про товарищей. Так что мы сами по себе, а ветераны, понятное дело, отдельно, на втором этаже обосновались. Час назад песни пели. Голос у Виннигара, скажу я тебе, отвратный. Что-то среднее между криками стервятника и последним звуком утопленника.

Усаживаясь за стол, Риордан вспомнил о происшествии с местным парнем.

– Тут у них какие-то заморочки с рукопожатием. Я еще не до конца разобрался, в чем дело, но одно уяснил точно – протягивать руки незнакомцам здесь не стоит.

– Учтем, – сказал Дертин, пододвигая Риордану блюдо с едой. – Выходим с утра сразу после завтрака. Скиндар сказал, что за день мы должны дотопать до Триллы, а следующую ночь встретить в Зомердаге. Дорога пойдет под уклон, но все равно переходы предстоят нешуточные.

– Скиндар сам скорее выдохнется, чем мы, – хихикнул Тиллиер, разливая вино. – Я вот что думаю. Всем нам нужно поскорее обзавестись боевыми прозвищами. Тут они в ходу – Ловкач, Брадобрей, Зверь. Я лично хочу стать Горлорезом. Буду чиркать по глоткам почем зря. Это станет моим коронным приемом. А ты, Дертин? С Риорданом и так все ясно. Он прослышет Бесноватым.

– Ты не о том думаешь, – это сказал Хоракт, который вернулся в комнату после того, как отнес одежду Риордана в чистку. – В Воинской школе мы одни будем из Вейнринга. Там полно парней из Гроендага, Венбада, Зомердага и других селений. А Прочный круг представляем только мы. Это значит, что нам нужно держаться друг за друга. Стоять за земляков во всем.

Дертин фыркнул.

- То есть этот ухарь, как обычно, влипнет в неприятности, - он ткнул пальцем в Тиллиера, - а остальным придется за это расплачиваться? Нет, на такое я не согласен.

- Ой, не больно мне нужна твоя помощь! Подумаешь...

- Тиллиер, тебе и вправду не помешает быть посерьезней, - резонно заметил Хоракт.

- Ты такой скучный, как моя бабушка покойница! Тоже мне - советчик.

- Хватит пререкайся, - неожиданно для самого себя резко бросил Риордан. Обезболивающее еще действовало, поэтому слова лились ясно. - Вы еще не поняли, куда попали? В приемной доктора висит много портретов поединщиков. Бойцы как на подбор. Оружие, доспехи, осанка - просто засмотришься. И все мертвы, вы понимаете? Они уже трупы! Их нет! Думать нужно не о красивых кличках, а о том, как нам выжить. Поэтому держаться будем плотной группой. Правило первое - выручай земляка в беде. Правило второе - не подводи товарищей. Третье правило - живем союзно, делимся другом с другом всем: едой, новостями и особенно знаниями. Согласны?

- Согласен, - без раздумий ответил Хоракт.

- Согласен, если этот обалдуй возьмется за ум, - буркнул Дертин.

- Согласен, если никто не будет меня поучать, - процедил Тиллиер.

- Надо бы принять обет, - предложил Хоракт. - И как будет называться наше товарищество?

- Название у нас уже есть. Прочный круг, - ответил Риордан. - И жить мы будем по чести, так, чтобы люди шептали нам вслед: «Они из Прочного круга». Хоракт, сочиняй клятву.

- Я? Ладно. - Хоракт задумчиво почесал пятерней затылок и протянул вперед правую руку, сжатую в кулак. - Вступая в Прочный круг, я клянусь не предавать своих товарищей, жить по чести, делиться с товарищами всем, что имею... -

начал он неуверенно, но с каждым словом его голос становился громче и приобретал твердость: – Я обещаю быть храбрым воином и надежным другом. Я клянусь, что никогда не отвернусь от товарища, попавшего в беду. Моя кровь принадлежит Прочному кругу Мой меч принадлежит Прочному кругу. Мое слово принадлежит Прочному кругу. Если я изменю своей клятве, то пусть меня назовут трусом и бесчестным лгуном, пусть мое имя никогда не будет упомянуто в Прочном круге, а мои товарищи придут, чтобы плюнуть на мою могилу.

– Ну, дает, – прошептал Тиллиер.

– Клянусь, – громко сказал Риордан и коснулся кулаком руки Хоракта.

– Клянусь, – произнес Дертин, также вытягивая вперед свою могучую длань.

Тиллиер уже открыл рот, чтобы сморозить очередную шуточку, но потом притих, встал вместе со всеми и тоже сказал:

– Клянусь, – но уже через секунду выпалил новый вопрос: – А кто у нас будет атаманом?

– Не согласен, – покачал головой Хоракт. – Атаманы в разбойничьих шайках.

– Тогда вожаком.

– Вожак в стаде, – ехидно заметил Дертин.

– Я, как член общества предупреждаю, что сейчас стукну кого-нибудь из своих товарищей.

– Что находится внутри круга? – спросил Риордан. – Что у круга в центре?

– Пустота! – выкрикнул Тиллиер.

– Если у нас круг людей, то внутри тоже человек, – предположил Дертин.

– Человек, который находится на равном расстоянии от любого другого человека в круге, – уточнил Хоракт.

– Он видит всех на одинаковом расстоянии, – развил мысль Риордан. – И одинаково к каждому относится. Например, при разрешении споров.

– Арбитр! – воскликнул Тиллиер.

– Я читал, что так раньше называли судей выездных судов, – сказал Хоракт. – До системы территориальных фальцграфов.

– Решено, – заключил Риордан. – Лидер Прочного круга будет носить звание Арбитра. Теперь осталось его выбрать.

– А тут и выбирать нечего, – махнул рукой Дертин. – Это ты, Риордан.

– В тебя попала молния, – напомнил Тиллиер.

– Ты превзошел в поединке Виннигара, – сказал Хоракт. – Соглашайся.

Риордан поднялся с места и поклонился каждому из товарищей.

– Я принимаю звание Арбитра Прочного круга. Буду носить его с честью. А теперь тушите свет и давайте ложиться в постели.

Через несколько минут первая команда Арбитра была перевыполнена в том плане, что со стороны Дертина послышался раскатистый храп. Риордан лежал на спине, тараща глаза в темноту, и пытался прислушаться к новым чувствам и мыслям внутри себя. Сегодняшний день подарил ему столько событий, сколько не случилось у него раньше и за год. Сначала его едва не испепелила бесноватая молния, потом к нему проявила симпатию дочка Йельда-брадобрея, затем лекарь нанес ему прямо на рану боевую раскраску, а под конец дня он стал лидером тайного общества. «И еще завтра у меня поединок с Эльгой...» – напомнил он себе, после чего мгновенно заснул.

Глава 4

Высокая стойка

Едва солнце показалось над гребнем Тиверийского хребта, как Риордан был на ногах. Рана почти не беспокоила, глиняный пластырь не раскрошился за ночь и держался на прежнем месте. Ополаскивая лицо под общим умывальником во дворе, Риордан прислушивался к новым чувствам и мыслям. Пожалуй, что ни разу в жизни он не просыпался с таким острым ощущением чего-то значительного, произошедшего с ним. Он теперь не просто страхолюдный подросток, а Арбитр Прочного круга и в ответе за тех трех парней, что посапывают сейчас на тюфяках в гостевой комнате. Ему и раньше приходилось нести ответственность за других, семья зависела от его охоты почти два года, но то была тяжкая ноша, поскольку и мать, и отец тяготились новой ролью своего первенца. Здесь же его лидерство было неоспоримо признано, земляки сами вверили ему свое будущее и сами жизни, и эта ответственность не пригибала к земле, а, наоборот, давала силы и уверенность в том, что он справится и не подведет.

Тренировочный плац он без труда нашел на заднем дворе. Хорошо утоптанная площадка земли, навес с оружием – все, как описала Эльга накануне. Дочка Йельда уже поджидала его на месте. Сегодня на ней были просторные домотканые штаны, куртка, запахнутая на талии и подвязанная кушаком, пышные волосы были перехвачены на лбу белой лентой. На большом прямоугольном верстаке Эльга уже разложила все, что понадобится им для поединка.

– Привет, Риордан. Тебя почти не пришлось ждать, – улыбнулась она, когда он подошел и остановился в нескольких шагах от навеса.

– Привет. Я охотник, так что привык вставать рано, – ответил Риордан, рассматривая, что приготовила Эльга для боя.

На верстаке лежали рядом два коротких деревянных меча с круглыми гардами и целая груда защитной амуниции.

– Ого, а ты, оказывается, умеешь разговаривать? Как щека?

- В порядке. Только говорю невнятно.

- Сойдет. Мне скоро идти с поденщиками на фермы, досматривать скотину, так что не будем терять время. Вот нагрудник. В эту лямку продеваешь голову, ремни завязываешь сзади. Еще надеваешь набедренную защиту, наручи на предплечья и боевые перчатки. Сам справишься?

Эльга быстро облачилась в защиту, пару минут со скепсисом наблюдала за тем, как Риордан неловко увязывает тесемки тренировочной амуниции, а потом поинтересовалась:

- Ну, ты готов, меченосец? Выходи на центр и выполни церемониальный салют. Подними оружие вверх и затем коснись им земли. Не надо ее ковырять, просто чуть-чуть дотронься острием. Теперь в позицию. Начнем! - скомандовала девушка, но уже через секунду опустила оружие. - Это еще что такое?

Риордан недоуменно обернулся. Позади него ничего не происходило, лишь белые клочья тумана стелились над огородами.

- Где? - спросил он.

- Прямо передо мной.

- Это я.

- Нет, это безобразие. Я про твою стойку. Кто тебя такому выучил?!

Риордан тоже опустил меч.

- Чего не нравится?

Эльга сердито покачала головой и встала в позицию. Выглядела она одновременно воинственно и изящно.

- Смотри! Ноги согнуты в коленях, тело находится вполоборота к противнику, рукоять меча на уровне пояса, и держат ее обе мои руки. Обе, а не одна! Понял? Острие направлено противнику в лицо. Это - «нижнее жало». Угроза выпада в

область глаз и возможность рубящего удара в бедро или по коленным сухожилиям.

Риордан попробовал скопировать ее движения. Эльга обреченно махнула рукой.

– Какой же ты корявый! А еще меченосец! Смотри дальше. Клинок лежит горизонтально, гарда на уровне груди, опять две руки держат рукоять, острие направлено в горло противнику. Угроза колющего выпада в шею и рубящего в верхнюю часть туловища. Вот вторая базовая стойка – «Верхнее жало». Есть еще третья, но с нее всегда переучивают. Меч занесен над головой, угроза рубящего удара сверху. Она называется «болваном», и этим все сказано. Все остальные позиции – варианты трех базовых. А у тебя что?

– Что? – переспросил Риордан.

– Бестолковщина, вот что. Ты просто вытянул вперед руку с мечом и все. Одну руку, понимаешь? Меч параллельно земле. Да у тебя вышибут клинок простейшей отбивкой!

Риордану надоели поучения. Что она о себе вообразила?

– Ну, давай попробуй, вышиби, – предложил он, а затем ткнул мечом в небо и коснулся его острием земли. – Салют и встаем на позиции. Хватит болтать и принимать красивые позы.

Эльга упрямо сжала губы.

– Ладно, сам напросился. Салют!

Не успела девушка выполнить первое действие, а Риордан уже знал, что произойдет дальше. Он понимал, что она нацелилась ему в лицо, но также отчетливо видел, что это обманный финт. Ее тело приняло устойчивую позицию для рубящего удара ему по ногам, поэтому Риордан мгновенно сместился с линии атаки вбок, и не успела Эльга распрямиться, как он дважды плашмя шлепнул ее мечом по наручам.

– Готово, – сообщил Риордан. – Ты осталась без правой руки.

На раскаленном взгляде Эльги можно было запросто зажарить хороший кусок мяса. Теперь девушка сплеча рубанула ему по лезвию меча, видимо, надеясь его выбить. За этим, очевидно, должен был последовать укол в открывшуюся зону груди. И вновь все происходило для Риордана медленно, словно они стояли по пояс в воде. Он вращательным движением кисти ушел от контакта с ее клинком, тем самым проваливая его вниз, ударил меч противника гардой и сам сделал глубокий выпад вперед. Острие его оружия наткнулось на ее нагрудник в области живота. Удар получился даже более сильным, чем рассчитывал Риордан, потому что тело Эльги двигалось по инерции вперед и само напоролось на его меч. Девушка охнула, потирая ушибленное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/savenkov_roman/poedinschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)